ПРАКТИКА ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Издание Института Агитации имени Володарского
1931 — Ленинград — 1931

Научно-Исследовательский Институт Речевой Культуры
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

ПРАКТИКА ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Сборник статей под редакцией
В. М. КРЕПСА и К. А. ЭРБЕРГА

Издание Института Агитации им. Володарского
Ленинграда
1931

Напечатано по распоряжению коллегии Научно-Исследовательского Института Речевой Культуры.

Уч. Секретарь

Л. Якубинский.

Ленинградский Областл № 71976.—Тир. 3000 экз.— 8 печ. лист.—Зак. № 7217

Типография 1 Артели Советский Печатник. Моховая. 10.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	
1. Н. Лютиков. Работа агитатора с книгой	9
2. А. Новак. Конспект и его техника	
3. П. Соколов. Фигуры рассуждений	46
4. В. Крепс. Смущение и робость у ораторов	55
5. П. Лупул. Вспомогательные речевые формы	65
6. А. Соломоник. Групповая агитационная беседа	71
7. Н. Максимов. Ораторские иллюстрации	83
8. В. Гофман. Анализ ораторских образцов	98

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник составлен научными сотрудниками Лаборатории публичной речи Научно-исследовательского Института Речевой Культуры, преподавателями Института Агитации имени Володарского. Цель его — по возможности в популярной и доступной рабочему агитатору форме, дать ряд методических советов и указаний из области устной агитации и ораторской речи.

Из практики работы Института со своими слушателями-коммунистами, посланными партией на учебу, а так-же из опыта большого количества проведенных работниками Института агитшкол, кружков и семинариев в Райкомах и на предприятиях Ленинграда, совершенно отчетливо выяснилась большая тяга широких слоев партийного, советского и профессионального актива к изучению основ методики публичных выступлений.

Дело в том, что значительно выросшие массы уже не удовлетворяются поверхностным и мало-убедительным докладом или речью. В обстановке реконструктивного периода, перед лицом значительных трудностей и идеологических шатаний среди отдельных малоустойчивых элементов нашей общественности, агитация и агитаторы должны быть на большой принципиальной и методической высоте.

Разумеется, содержание речи, ее тематика и социальная ценность является основным моментом агитационного воздействия на массы и ораторской убедительности. Прежде всего, агитатор и общественный работник должен быть воспитан и подготовлен политически, должен быть вооружен диалектическим методом, марксистско-ленинской теорией. Но одного этого также недостаточно для успеха агитационной речи

Мы наблюдаем большое количество случаев, когда общественный работник свои знания и убежденность не в состоянии успешно передать другим. Можно иметь в своем запасе очень большое и ценное «что»—и все же не знать «как» его передать другим. Разрыв между что и как доставляет большие затруднения многим знающим, активным и ценным работникам, стремящимся внедрить свой политический багаж в сознание масс, и тем не менее, однако, не могущим свои стремления осуществить из-за неуменья пользоваться чисто техническими приемами речевой подачи своего идеологического материала.

Методический опыт конечно может быть получен и в гуще практической работы. В процессе большого количества публичных выступлений можно развить в себе ораторские способности и научиться передавать массам свои знания. Но для этого надо проделать длинный и трудный путь. При такой системе обучения агитатор тратит много времени и энергии зря: на выработку легко достижимых более быстрым темпом навыков, на открытие уже открытых ораторских «Америк», на отыскивание давно проторенных путей.

Значительно ускорить и облегчить методическую подготовку агитатора может соответствующая литература. Но, к сожалению, имеющиеся по этим вопросам печатные материалы страдают значительными недостатками. Подавляющее большинство книг и брошюр по вопросам методики агитации и публичной речи не имеет под собой научного и экспериментального фундамента, а рецептура авторов не проверена на практике значительных кадров практических работников. Кроме того, большинство авторов популярной ораторской литературы просто заимствует у буржуазной и даже древней системы воспитания ораторов ее принципы и каноны, без сколько-нибудь заметных попыток критически отнестись к этому весьма устарелому и негодному для оратовов революционного пролетариата материалу. Этих дефектов составители настоящего сборника пытались избежать. Предлагаемые здесь методы работы проверены в научном и преподавательском плане и предлагаются вниманию рабочего агитатора, как результат определенной систематической работы. Из материала, разработанного авторами, для первого сборника выбрано несколько проблем, освещающих различные стороны ораторской речи и подготовки к ней.

Изложенные здесь советы проверялись не только на практике низовых заводских агитаторов (это был основной объект работы Института),—они нашли свое применение также и при обучении в Институте слушателей лекторского цикла и группы красных директоров.

Настоящий сборник отнюдь не претендует на полноту и законченность. Целый ряд вопросов в него не вошел и послужит материалом для дальнейших печатных работ. В незначительной степени затронуты в нем и вопросы методологии ораторской речи, по причине прикладного, «технологического» характера издания.

В заключение совет нашим читателям: работу по развитию своих агитационных способностей ставить на базе серьезного овладения методом диалектического материализма и материалом исторических и экономических наук, а также текущей политики (как это и поставлено в Институте имени Володарского, где кафедры истории, экономики и текущей политики воспитывают слушателей по содержанию, а методические кафедры—по методике агитации и публичной речи). Если этот основной совет будет забыт,—вместо ценного агитатора может выйти безпринципный болтун, а такие не нужны нашей партии и вредны делу советской общественной работы.

Все советы, указания и запросы наших читателей будут редакцией рассмотрены с большим вниманием. Присылать их следует по адресу: Ленинград, ул. Ракова, 17, Институт Агитации, Методический кабинет.

Редакция.

РАБОТА АГИТАТОРА С КНИГОЙ

Книг о работе с книгой написано не мало. Однако многие из этих книг и брошюр имеют один значительный недостаток. Они рассчитаны на читателя «вообще», они не берут установки на читателя, читающего и прорабатывающего книгу с целью извлечь из нее материал для речевого выступления.

Предлагаемая вниманию читателей работа имеет целью указать цеховому агитатору, докладчику и беседчику, как ему нужно пользоваться книгой.

I. ПРОЦЕСС ЧТЕНИЯ.

Книг — много. Не говоря уже о всей сокровищнице человеческого знания, каждый узкий вопрос имеет подчас очень обширную литературу. Никакой человеческой жизни не хватит, чтобы прочесть только лучшие книги. Нужно умело организовать свое чтение. Недопустимо бессистемное «проглатывание» книг, свойственное многочисленной категории читателей, о которой Ан. Франс говорит: «Обыкновенный читатель романов требует лишь, чтобы ему забивали голову чем ни попало Он читает очень быстро, ибо ничто не останавливает его, и, окончив, уже не знает, о чем читал». Вот почему затрата времени на выбор книги именно той, которая нужна, которая является лучшей по данному вопросу, оправдается сторицей при проработке.

ПРОСМОТР КНИГИ И ОРИЕНТИРОВОЧНОЕ ЧТЕНИЕ

Книга выбрана. Встает вопрос: следует-ли сразу засесть за серьезное чтение, организовав для этого обстановку, или лучше предварительно книгу просмотреть, бегло пробежать? Несмотря на то, что такое ориентировочное чтение на первый взгляд может показаться отнимающим лишнее время, тем не менее оно очень полезно и отнюдь не является тратой дорогого времени рабочего-читателя. Ориентировочное чтение книги, которая взята для проработки, дает очень много. Заключается оно в следующем. Бегло прочитывается,—с некоторыми пропусками примеров, пояснений, текста отпечатанного мелким шрифтом и т. п.,—вся книга, (если она не велика), или глава в большой книге. Такое чтение дает цельное представление о книге или главе, и позволяет наметить пути дальнейшей проработки книги, на какие места обратить больше внимания, что нового в книге, и что в ней спорного.

Наконец, ориентировочное чтение позволяет. пока не поздно, исправить ошибку в выборе книги, так как такое чтение обнаруживает, отвечает ли книга на те вопросы, желание проработать которые и привело к ее выбору.

Конечно, ориентировочное чтение не является обязательным для каждой книги, особенно легкой и расчитанной на мало подготовленного читателя. Но для агитатора, прорабатывающего серьезную книгу, с целью извлечения из нее максимально-возможного и нужного для его работы материала, ориентировочное чтение является одним из элементов процесса организованного чтения.

Следует помнить, что ориентировочное чтение, вместо преимуществ, может, при недостаточном самоконтроле со стороны читателя, привести к одному серьезному недостатку—привычке к «бегу» по книге. Чтение случайно интересующих мест, с пропуском страниц и даже целых глав,—вот такое непоследовательное, с пробелами, чтение и представляет собой «бег» по книге.

Не следует, однако, смешивать с «бегом» по книге—навыки быстрого ее чтения, свойственные отдельным читателям, обладающим зрительной памятью.

ТЕМП И НОРМА ЧТЕНИЯ

Каждый читатель, работающий над книгой сознательно, должен определить и знать темп своей работы. Только выверенный и размеренный темп может способствовать продуктивности чтения. Процесс чтения в отношении темпа должен также подчиняться воле самого читателя, как послушно изменяет свой ход станок, когда приводной ремень переводится с одной скорости на другую. Точно так же, как обточка разных деталей требует разной скорости, так и чтение, в зависимости от сложности и насыщенности содержания, требует разных темпов.

Чтение легкого текста может быть достаточно быстрым, приближающимся по темпу к ориентировочному чтению. Но по мере усложнения содержания должно замедляться и чтение, ибо только в этом случае обеспечивается понимание прочитанного. Исходя из этих основных положений каждый читатель может установить для себя и часовую норму чтения, со строгой выверкой ее на практике. Само собой разумеется, что индивидуальные особенности могут давать резкие отклонения в ту или иную сторону, но нам все-же представляется возможным установить следующую примерную, среднюю норму для достаточно подготовленного читателя.

Быстрое (приближающееся к ориентировочному) чтение— 1.200—1.300 букв в минуту или 38—40 стр. в час; обычное, сосредоточенное чтение — 850 — 925 букв в минуту, или 23—24 стр. в час.; и, наконец, медленное вдумчивое чтение— 600—650 букв в минуту, или 14— 15 страниц в час. [1]) Все эти нормы, будучи приведены, как средние, рассчитаны на чтение без записей Медленное, вдумчивое чтение особо трудного материала, например, учебного,—по разметкам методических указаний Комвузов, в среднем не превышает 8—10 страниц в час.

Равным образом следует признать, что для менее подготовленного читателя эту норму следует еще понизить.

---

[1]) При всех этих расчетах страница условно приведена к 34 строкам (1960 букв).

МОБИЛИЗАЦИЯ ВНИМАНИЯ ПРИ ЧТЕНИИ.

Чтобы сразу войти в нормальную колею чтения, читателю иногда приходится мобилизовать себя, переломить свою вялость. Так продолжается некоторое время—пока мысль, как говорят, не разойдется и чтение не пойдет гладко.

Этой мобилизации очень много может способствовать правильно организованная обстановка чтения. Однако, одной обстановки не достаточно.

Рабочий агитатор должен стараться развить в себе произвольное внимание, т. е. уметь собрать рассеянное внимание и усилием воли направлять его на восприятие читаемого материала. Этому делу может помочь привлечение к акту восприятия всех, так называемых, внешних чувств. Чтение вслух, если читатель обладает слуховой памятью, зрительное представление картины читаемого для человека, обладающего зрительной памятью—вот практические возможности привлечения внешних чувств к акту восприятия. Только напряжением воли, упражнениями можно побороть рассеянность внимания, эту дурную привычку думать во время чтения о другом, не имеющем прямого отношения к читаемому. Если психическое состояние читателя обычное, он должен гнать от себя усилиями воли посторонние мысли, мешающие ему сосредоточиться, и удерживать интерес к чтению на должной высоте.

Очень часто случается, что читатель бросает книгу буквально не дочитав фразы до конца, он заметил резкое снижение внимания, вызванное, как ему кажется, утомлением. Но нередко, в таком случае вместо утомления мы имеем простую неусидчивость. Эта привычка бросать чтение, не доведя его до законченности, приносит читателю большой вред; она убеждает его нередко в том, что он «просто органически» не может читать систематично, тогда как налицо только дурная привычка и борьба с ней должна вестись такая же, как со всякой дурной привычкой.

Другой такой же вредной привычкой является нетерпеливость при чтении, привитая, обычно, чтением «увлекательных» романов, когда читатель, не следя за развитием

мысли автора, спешит скорее подойти к выводам. При чтении научной книги эта привычка не дает возможности читателю самостоятельно разобраться в правильности и убедительности доводов, их ценности и правильности самих выводов, к которым он так стремится. Такое некритическое чтение ничего не оставляет после себя, кроме скудных, малоценных отрывков.

Есть еще одна манера чтения, называемая «ленью мышления», когда читатель плывет по течению мыслей автора читаемой книги, не пытаясь проверить, критически проанализировать читаемое. Такая манера вырабатывает «хороших начетчиков», а не мыслящих людей.

Обратная ей привычка,—правда встречающаяся реже, — это игнорирование выводов и положений автора, если они не соответствуют установившимся взглядам читателя, ведет к окостенению, к задержке развития.

Помимо этих привычек читатель должен бороться и с мнимой преждевременной усталостью, которая принимается за настоящую. Какой же напрашивается вывод? Самоконтроль и мобилизованность, ибо серьезное чтение не отдых, а мозговая работа.

ПРАВИЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ.

Под правильным чтением мы понимаем грамотное чтение, позволяющее читателю не только разобраться в построении фразы, но и понять ее смысл.

Мало подготовленный читатель, обычно, слабо следит за знаками препинания, логическими центрами и общим построением фразы. Нередко такой читатель останавливается посредине фразы, не дочитывая ее до конца и, таким образом, не поняв прочитанного.

Бесспорна истина, что правильно поставленное чтение является одним из лучших средств развития речи, что особенно важно для агитатора.

Агитатор, следящий за хорошим подбором читаемых им книг, обогащает свою речь, усваивает литературный язык и привыкает, даже при недостаточной общеобразовательной подготовке, к гладкому построению своей речи и грамотному правописанию.

Заметим, что чтение вслух с надлежащей интонацией и паузами (на знаках препинания) очень полезно и не только для лиц, обладающих преимущественно слуховой памятью. Правда, не всегда обстановка позволяет читать вслух, да и привычка к чтению молча также сильно влияет, но агитатору, заинтересованному в правильном произнесении и четкости речи, чтение вслух может дать очень многое.

Итак, основным правилом грамотного чтения будет: читая, вникай в смысл фразы и ее построение, следи за логическим ударением и знаками препинания.

НЕПОНЯТНЫЕ СЛОВА, ОСОБЫЙ ШРИФТ И ДРУГИЕ РЕДАКЦИОННЫЕ ЗНАКИ.

Встречающиеся при чтении непонятные слова должны быть сразу же осмысленны с помощью полит-словаря, словаря иностранных и непонятных слов или энциклопедического словаря. Такие пособия должны быть настольными у каждого агитатора. Особенно полезна, хотя может быть и несколько дорога, Малая Советская Энциклопедия.

Кроме непонятных слов нередко встречаются выражения напечатанные особым шрифтом: **жирным**, *курсивом*, разрядкой и петитом.

Все эти шрифты имеют свое назначение. Как жирным шрифтом, так и курсивом (наклонным шрифтом) и разрядкой (шрифт с более широкой, чем обычно, расстановкой букв) печатаются слова и даже целые фразы, к коим хотят привлечь внимание читателя; петитом (мелким шрифтом), обычно, печатаются все подстрочные примечания, пояснения. Нередко им же набираются приводимые автором выдержки или цитаты из других статей и книг.

Такую же роль привлечения внимания и оценки содержания играют редакционные знаки: ? (вопросительный) и ! (восклицательный), впрочем, более часто встречающиеся в газете, чем в книге.

Назначение их вполне ясно: когда читатель видит рядом нелепым утверждением иностранной буржуазной прессы о «красном империализме» — приводимом в передовице «Правды», редакционный знак (?) или (!?), он знает, как редакция отно-

сится к таким вздорным утверждениям. Эти знаки, как и ковычки, которыми отмечают чужие слова (цитаты) и иронические и условные выражения, помогают читателю разобраться материале и осмыслить содержание.

Поэтому при чтении книги следует обращать внимание на редакционные знаки и выражения, напечатанные особым шрифтом.

II. ПРОРАБОТКА КНИГИ.

ЧТО УСВАИВАТЬ.

Читая текст так, как указано выше, читатель должен иметь четкую установку в вопросе—что усваивать?

Методические навыки усвоения у низового агитатора подчас слабо развиты. Неуменье при чтении отделять главные мысли от мелочей, доводы от доказательств, неуменье усваивать самое главное, является камнем преткновения для многих цехагитаторов.

И нужно заметить, что со стороны автора читаемой им книги агитатор не всегда находит помощь в деле усвоения. Эту помощь он нашел бы скорее если, по меткому выражению Анатоля Франса, писатели «не приучались бы говорить на четырех сотнях страниц то, что гораздо лучше сказали бы на двух десятках».

Усвоение прорабатываемого материала может быть продуктивным, при условии, что при чтении отделяются мелочи от главного, и усваивается только главное, существенное.

КАК ОТЫСКАТЬ ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ.

Проработать книгу по заданию, руководствуясь планом-вопросником, сравнительно легко. Отыскивая ответ, на поставленный в задании вопрос в прочитанном и стремясь к возможно, четкой формулировке, читатель обычно тем самым и удавливает основные положения книги. В некоторых книгах такие просники, способствующие проработке книги, приведены

в конце каждой главы или в конце книги. Нужно только читателю не проходить мимо таких вопросников, как это обычно делается. Полезно также вопросник к главе просматривать до ее прочтения.

Большие трудности стоят перед читателем, когда он не имеет такого плана-вопросника для чтения и проработки. Но и здесь может быть найден следующий выход.

Во время ориентировочного чтения, внимательный читатель может наметить себе примерный план проработки. Нужно только сказать, что навыки работы с книгой, позволяющие быстро наметить примерный план проработки с тем, чтобы по нему проводить последнюю, удавливая из прочитанного основные положения и усваивая их,—эти навыки даются не сразу. Они закрепляются по истечении некоторой практики. Вот почему агитатор, берясь за книгу, не должен смущаться тем, что, может быть, на первых порах его мозговая «продукция» будет давать брак. Настойчивая борьба за качество, самоконтроль помогут ему этот брак быстро изжить. Пусть только такой читатель не пытается прорабатывать всю книгу сразу. Это немыслимая затея даже для небольшой и не особенно серьезной книги. Сама книга уже подсказывает, что проработка должна итти по главам, на которые подавляющее большинство книг разбивается. Наконец, глава также разбивается на разделы, отмечаемые заголовками, вынесенными на поля, и, наконец, ряд законченных, по своим мыслям, отрывков, называемых а б з а ц а м и и начинающихся с красной строки. Прочитав такой абзац, продумав о чем идет речь, можно, отбросив мелочи, уловить главное. Поняв главную мысль одного абзаца и опираясь на нее, можно переходить к чтению следующих отрывков, которое будет протекать уже с меньшими затруднениями.

Следует также иметь в виду, что две книжки, освещающие один и тот же вопрос, могут быть написаны разным языком из расчета на разные категории читателей, которые и должны пользоваться как раз «своей» книжкой. Прочитать и отыскать главные мысли такой «массовой» книжки низовому агитатору будет легче, чем другой, ибо язык и построение ее рассчитаны на его уровень знаний и умение работать на материалом.

ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПРОРАБОТКИ.

Проработка книги не должна ограничиваться только отыскиванием главных мыслей. Усвоение содержания требует большего. Поэтому пути дальнейшей проработки могут быть установлены следующие:

1. Сопоставление прочитанного с ранее известным, когда читатель сравнивает только что проработанное с тем запасом знаний, которые у него имелись организованными в виде записей, или, хотя бы, со своими мыслями. Такое сопоставление помогает систематизировать накопляемые знания, оно ведет к всестороннему, полному освещению вопроса.

2. Встречающиеся иногда при таком сопоставлении неясности и даже противоречия могут быть легко ликвидированы, если читатель возьмет себе за правило следить за рецензиями и критикой. При систематическом чтении без этого обойтись нельзя. Возражения, что такая проработка материала с предварительным прочтением рецензии и критики — нежизненна, из-за недостатка времени — неосновательны, во-первых, потому, что, при надлежащей организации чтения, это не потребует большого количества времени, во-вторых, потому, что эти рецензии и критику читатель, при желании, всегда может иметь под рукой, он их найдет в отделах библиографии, и в «Правде», и в «Спутнике Агитатора» и в других журналах.

3. Критическая проверка читаемого, сравнение выводов, которые делает автор, с жизнью, — проверка, книги (т. е. приводимых в ней советов и указаний) на практике — вот об этом и говорил Ленин на III съезде Комсомола, указывая, что «одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, — это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо без работы, без борьбы, книжное зна-

торской речи.

> ∧ ние коммунизма ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества». (Ленин. Том XXV, 3-е издание. стр. 385).

Эти слова Ленина о связи книги с «практикой жизни»— особенно твердо должен помнить агитатор сейчас, когда мы выкорчевываем остатки «старого буржуазного общества» и на их месте воздвигаем новое, социалистическое. Миллионы рук заняты на социалистической стройке, сотни тысяч людей хотят знать, как лучше строить. Вот почему:

> «Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом нужно знать, нужно прочесть вот такую брошюрку, вот такую-то книгу». (Ленин. Том XXV. стр. 454. Разрядка наша).

ПРОРАБОТКА ПРИ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ ЧТЕНИИ.

Глубокая, всесторонняя проработка материала обычно вытекает из параллельного, т. е. одновременного, чтения нескольких книг. Как же вести такую параллельную проработку нескольких книг? Для этого выбирается, по имеющимся у читателя указаниям, одна из книг как основная, с тем, чтобы весь остальной материал прорабатывался по плану этой книги. Для того, чтобы материал не расползался, основная книга прорабатывается более тщательно с составлением плана и иногда даже сжатого конспекта. Этот план или конспект и явится стрежнем проработки всего остального материала. При параллельном чтении весьма полезен контрольный вопросник (см. выше). Если он не приведен в прорабатываемых книгах,— следует составить его самому читателю. Здесь будет уместно привести пример, как работал Владимир Ильич Ленин.

«Он, — вспоминает о его юношеских годах Дмитрий Ильич Ульянов, — составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем, брал лист бумаги, склеивал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры, согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них, в последующие дни, он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу: (см. там то, стр. такая то). Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом заметок, справок, ссылок и т. д. Тогда, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь по своим пометкам в различных книгах, которые у него были уже припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение». («Правда» № 17 за 1925 г.).

Эту усидчивость и работоспособность, планомерно распределенную во времени — должен развивать и воспитывать в себе каждый агитатор.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОРАБОТАННОГО.

Процесс проработки неразрывно связан с такой организацией материалов, которая давала бы возможность наилучшим образом его использовать. Только проработав и организовав материал агитатор может считать себя подготовленным к выступлению.

Как же надо организовывать проработанный материал?

Эта организация не сложна. К ней читатель может приступить одновременно с чтением. Отыскивая главные мысли, он может их подчеркивать, или на полях делать условные

значки. О порядке этих пометок будет сказано ниже. Важно одно: не отрывать чтение от проработки и организации материала для дальнейшего использования. Это три этапа одного процесса. И чем больше навыков приобретает себе агитатор в этом деле, чем лучше он организует технику и использует «мелочи», экономящие время, — тем лучше у него будет организован материал.

Первым шагом к такой организации материала являются пометки на книге, разумеется, если книга своя. Делать пометки на книге, взятой из библиотеки не следует, потому что, во-первых: если этим займутся все читатели, то книга быстро износится, а во-вторых, такие пометки будут мешать чтению другого читателя, взявшего после книгу.

ПОМЕТКИ НА КНИГЕ.

Как уже мы указывали выше, усвоение читаемого материала во времени может итти одновременно с организацией его для дальнейшего использования, путем ведения пометок на книге. Можно ли установить какой нибудь условный порядок этих пометок? Несомненно, да. Эти пометки можно вести двояко: отчеркивая на полях и подчеркивая сам текст, или же комбинируя вместе оба эти способа. Если к этому прибавить еще мнемонические (памятные) знаки с их условным значением, то может получиться система условных обозначений, помогающая в проработке материала и его использовании.

Укажем вкратце некоторые общепринятые знаки:

Подчеркивание:

красной ровной чертой — основные мысли,
синей ровной чертой — фактический материал,
волнистой черной чертой — сомнительные или неясные места.

Отчеркивание, или пометки на полях:

NB — обратить внимание,
? — сомнение в правильности,
— удачные и примечательные места,

V — важность,
= — повторяющаяся мысль.

Места повторяющиеся можно обозначать и иначе, так, например, — на полях, против повторяющегося места — делается отметка и указывается стр., где эта мысль встречалась уже или встретится вновь (47: — было уже на 47-ой стр., или 94 — повторяется и на 94-ой, или 47:64: 94 — т. е. мысль встречается три раза), что помогает быстро отыскать это место. Разумеется, что все приведенные знаки не являются обязательным рецептом; наоборот, каждый читатель может установить свою систему обозначений, — важна лишь неизменность в их применении, для избежания путаницы. Для примера можно указать, что В. И. Ленин знаком + отмечал ошибочные, «никудышные» мысли в читаемых им книгах. Много интересного, в отношении техники проработки книги найдет для себя агитатор в XI и XII ленинских сборниках, где опубликованы черновые записи В. И. Ленина.

ПАМЯТЬ И ЕЕ РАЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА.

Но одних этих значков не достаточно для организации материала, особенно, если перед читателем лежит книга, взятая из библиотеки, подчеркивать которую нельзя, а материал тем не менее должен быть извлечен и организован для дальнейшего использования.

И вот, нередко, в таком случае неискушенный читатель пытается запомнить прочитанное. Не говоря уже о том, что в этом случае легко скатиться к заучиванию наизусть, к «зубрежке», вред которой несомненен — следует указать, что при самой хорошей и «вместительной» памяти, все же материала всегда окажется больше, чем «помещения» для него. Правда, границы памяти, при правильном ее воспитании, могут быть раздвинуты, но все же перегрузки ей не избежать. Между тем в такой перегрузке памяти и нет надобности. Необходимо ограничить нагрузку живой памяти только самым ценным, самым необходимым материалом; все же остальное может быть, и должно быть организованно перенесено из ограниченной области живой человеческой памяти — в безграничную область памяти — механической — в записи, надлежащим образом организованные.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ЗАПИСИ.

Извéстен совет читателям: «читать, не делая заметок, это тоже, что вовсе не читать». Проработка книги имеет свое завершение в записи. Карандаш должен быть в дружбе с книгой. Какую роль может играть правильно-организованная запись, читатель мог убедиться из приведенного выше отрывка о манере работы Ленина. Автору приходилось видеть и проверять немало тетрадей рабочих агитаторов, часто представляющие собой отрывочные, беспорядочные заметки, использовать которые весьма затруднительно, а то и вовсе невозможно даже самим авторам.

Встает вопрос — нельзя ли эти тетрадочные, затруднительные для пользования, записи заменить другой более удобной, а главное, гибкой формой организации материала, — в виде выписок на карточки.

Преимущества карточек несомненны. И каждый агитатор в этом наглядно может убедиться, если он, руководствуясь приводимыми ниже указаниями, применит выписки на карточки в своей подготовительной работе и самих выступлениях.

Как же делать выписки на карточки?

Несложность ответа на этот вопрос позволяет изложить его ввиде некоторых практических указаний:

1. Выписывай самое главное.
2. Не делай больших выписок.
3. Помни, что каждая выписка должна быть закончена.
4. Не соединяй в одной карточке выписки по разным вопросам,—это лишит возможности распределять выписки по каким угодно признакам и свободно ими маневрировать.
5. Выписывая, сохраняй точный текст, обозначай тему и указывай свое мнение о ней.
6. Составляй выписку только по окончании чтения законченных глав и отрывков.
7. Установи точный формат своих выписок (рекомендуется 1/8 писчего листа) и пиши выписку только на одной стороне карточки.

Все эти указания понятны сами собой и не требуют пояснений за исключением разве пункта 5-го.

Выписка цитата, выписка-цитата с добавочными собственными замечаниями и запись своих мыслей по поводу прочитанного или сжатый свободный конспект — вот возможные варианты выписок по отношению к содержанию.

Приведем примеры:

а) Выписка-цитата:

Вопрос: О производственной агитации.	Тема: Работа агитатора над материалом. Автор, название книги: Крупская, Н. К. — О пропаганде и агитации. Выпуск III.
Стр. 24.	„Нам надо поднимать благосостояние страны. В стране нищей построить социализма нельзя. В эту борьбу за благосостояние страны надо вовлечь массы. Вот почему Владимир Ильич придавал такое громадное значение производственной пропаганде. Сама собой производственная программа связана неразрывно с производственной агитацией“.

б) Выписка-цитата с замечаниями:

Вопрос: О культурной революции.	Тема: Автор, название книги: Ленин. О кооперации. Том. XVIII.
Стр. 134.	„Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет немаловерные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального, (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).“

Замечание: Использовать в докладе о подготовке кадров

Карточка, таким образом, делится на две части: меньшая, нижняя часть, отводится на замечания относительно выписанного. Характер этих замечаний может быть самым разнообразным, в частности для агитатора, уместно делать пометки, где и как, использовать приводимую рядом цитату, примерно так же, как приведенная выше.

в) Выписка по поводу прочитанного.

Вопрос:	Тема: Работа агитатора, над материалом.
	Автор, назв. книги: Миртов. — Уменье говорить публично. 3 изд.
	Миртов пишет, что материал черпается из трех складов: памяти, книг и газет. Он очень мало говорит об использовании материала из 2-х последних складов. Надо поискать литературу, где бы лось подробнее.

На этой карточке цитата может сочетаться с оценкой прочитанного. Но кроме такой записи, можно своими словами кратко и не искажая сущности изложить основную мысль прочитанного отрывка. т. е. проконспектировать его.

Выписки могут на первый взгляд отпугивать от себя кропотливостью их составления. Но это только на первый взгляд, ибо выписка на карточке, по сравнению с записями прочитанного в тетрадь, не отнимает большего времени. А удобство и преимущество карточек рекомендуется проверить на практике, причем каждый агитатор может для себя установить ту или иную систему и форму выписок, при одном обязательном условии, чтобы это была система, а не беспорядочные записи.

Залог успешности агитационного выступления лежит в тщательной подготовке к нему. Организованное чтение и запись передают в руки агитатора большое количество ценного материала, который он может использовать в речи. И только тогда он сможет ответить на основное требование, предъявляемое к агитатору — быть осведомленным в материале

Н. Лютиков.

КОНСПЕКТ И ЕГО ТЕХНИКА.

ЗАДАЧИ КОНСПЕКТА.

На заседании 2-й сессии ЦИК СССР V созыва т. Кржижановский, в своем докладе о контрольных цифрах народного хозяйства на 1929—30 г., ознакомил сессию с конспектом речи В. И. Ленина, с которой тот предполагал выступить в 1922 г. на Всероссийском съезде советов. Конспект этой речи содержит в себе итоги первых пяти лет существования советского государства и намеченные перспективы развития народного хозяйства на второе пятилетие.

Т. Кржижановский приводил в своем докладе этот конспект, чтобы показать, что путь для осуществления небывалых темпов роста народного хозяйства был предуказан Лениным, и что предположения Владимира Ильича блестяще подтверждены действительностью [1]).

Вот какую огромную роль сыграл конспект, прямое назначение которого было, конечно, послужить самому Ленину в процессе подготовки своей будущей речи.

В институте им. Ленина можно найти много конспектов, составленных Владимиром Ильичом как при проработке чужого материала — например, при изучении им Гегеля, — так и при проектировании собственных произведений. А факт составления конспекта своей речи таким многоопытным оратором, каким является Ленин, надо считать весьма поучительным.

---

1) Правда № 276, от 1/XII 1929 г.

Известно, что и другие опытные ораторы прибегали к составлению конспекта своих речей, очевидно, в целях самоконтроля при ответственных выступлениях. Что же касается начинающих ораторов, то для них весьма рискованно ограничить свою подготовку к выступлению составлением одного короткого плана речи, по которому трудно проверить как логическую ее конструкцию, так и другие ее шансы на убедительность и действенность.

Конспект, являющийся изложением основных мыслей речи и главного материала, подкрепляющего эти мысли, дает возможность обозреть будущую речь и внести нужные коррективы.

В овладении техникой конспектирования заинтересованы не только ораторы. Перед каждым работником, который пользуется книгой, статьей или лекцией при учебных занятиях, при научной работе или при подготовке доклада, встает вопрос, каким способом можно лучше разобраться в изучаемом материале, лучше им овладеть. Одним из рациональных способов изучения материала следует признать способ конспектирования его, применяемый, главным образом, к книгам и статьям научного характера.

Конспектирование прочитанных и прослушанных произведений вырабатывает уменье расчленять речь, отделять в ней главное от второстепенного, а также сжато излагать мысли. Этим умением обладает далеко не всякий.

Помимо своей основной цели — углубленной проработки произведения, конспект может пригодиться и в дальнейшем, если потребуется снова использовать проработанный материал для доклада, лекции или беседы.

Само собою разумеется, что раньше, чем составлять конспект какого-нибудь произведения, надо, прежде всего, это произведение понимать. Понимать прочитанное—это значит понимать связь между отдельными мыслями, главную мысль каждой отдельной части произведения и всего произведения в целом.

Только тогда возможно отделить главное от второстепенного, от мелочей и подробностей, возможно ясно и четко выразить мысль автора. Отсюда видно, что конспектирование лучше начинать при вторичном чтении.

Конспект — это краткое, сжатое изложение самого существенного и значительного из содержания какой-нибудь книги,

статьи, речи. Конспект должен давать представление о содержании произведения каждому, кто его будет читать.

Конспектом нельзя называть всякий короткий пересказ. Под пересказом надо понимать простую передачу содержания произведения своими словами более или менее сокращенно. Пересказ практикуется либо с целью проверить свое умение пересказать прочитанное или прослушанное, либо с целью поверхностного ознакомления других с содержанием книги, доклада и пр. В пересказе нет строгого плана при сокращении. В нем могут быть приведены и некоторые подробности.

Совсем по-другому строится конспект. В нем содержание произведения сокращается не случайно, а по самому строгому плану. Все побочное и второстепенное, всякие повторения конспект устраняет. Он должен содержать главные мысли, подкрепленные лишь самым необходимым материалом. В конспект заносятся, поэтому, лишь наиболее важные факты и справки, наиболее яркие примеры, показательные цифры, авторитетные цитаты, меткие выражения. Из диаграмм и статистических таблиц приводятся лишь окончательные выводы, предпочтительно в процентах. Словом, конспект должен дать самую сильную «выжимку» из произведения, какая только возможна без ущерба для сохранения его основного содержания. Пересказ может применяться для передачи художественных произведений. А для проработки материала научного и делового характера рациональнее будет составить конспект.

Нельзя также смешивать конспект с планом. План — это только перечень вопросов в том порядке, в котором они изложены в произведении.

План может быть: 1) простой (краткий), когда он перечисляет лишь общие вопросы, затронутые в произведении, или 2) развернутый (подробный), когда, кроме общих вопросов, в нем указываются также те частные вопросы, на которые первые распадаются. Такой план (простой или развернутый) мы имеем в начале или конце каждой книги, например, в виде оглавления.

Каждый пункт плана (заголовок) относится к определенной законченной части книги, статьи, доклада и обнимает один общий вопрос. А в развернутом плане каждый общий вопрос расчленяется на ряд более мелких частных вопросов

и, таким образом, каждый пункт плана разбивается на подпункты. Пункты плана обозначаются обычно римской цифрой, подпункты — арабской. Иногда пункты обозначаются арабской цифрой, а подпункты — буквой.

По одному плану (или оглавлению) как простому, так и развернутому можно узнать только «о чем», о каких вопросах говорится в произведении. По конспекту же мы узнаем не только, о чем говорится, но также и то главное, что говорится по каждому отдельному вопросу.

На любом материале (книге, статье, докладе) можно легко убедиться, что план не может заменять собой конспекта.

При всем этом план является необходимой основой всякого конспекта. Без плана будет трудно составлять конспект и быстро в нем ориентироваться. План — это вехи, по которым конспект строится. Без них можно впасть в повторение, записать вместо главного второстепенное и вообще сбиться правильного пути систематической работы.

Поэтому раньше, чем приступить к составлению конспекта, надо либо воспользоваться готовым планом (в докладе) или оглавлением (в книге), либо самому его составить.

Для небольшого произведения с легким и ясным изложением составляется простой план. А к произведению с более сложным содержанием лучше применить развернутый план, так как разбивка каждого общего вопроса на частные способствует большему уяснению его.

Если по каждому пункту и подпунктам записать из произведения все главное и существенное, то получится конспект на основе плана.

Надо добавить, что сама работа по составлению плана очень полезна, поскольку она приучает улавливать во всей массе материала главные вопросы, которые там освещаются, расчленять их на более мелкие, частные и находить точное название каждого вопроса.

Чтобы научиться составлять план, рекомендуется начинать с такой работы: прочитав главу из книги, где имеется подробное оглавление (развернутый план), попытаться самому составить общий заголовок ко всей главе, а также подзаголовки к отдельным ее частям, обозначающие те частные вопросы, на которые распадается главный. Сравнив состав-

ленные заголовки и подзаголовки с оглавлением книги, надо исправить их, если окажется, что неверно определены вопросы. После того, как такое упражнение будет проделано над несколькими главами, станет понятна техника составления плана. Дальше можно приступить к составлению плана такого произведения, где нет оглавления. Здесь придется самому разбить содержание, в порядке изложения, на законченные части, в которых освещаются отдельные вопросы. К этим законченным отрывкам (отделам, главам, частям главы) надо составить заголовки и подзаголовки, точно обозначающие изложенные в них вопросы и пронумеровать пункты и подпункты.

Заголовки могут быть выражены в следующих формах: 1) В форме тезиса, т.-е. в форме мысли, которую автор будет доказывать или опровергать, например: «В СССР женщина является равноправным членом общества». 2) В форме вопроса, например: «Является ли женщина равноправным членом общества в СССР». 3) В форме названия того вопроса, который освещается в данном отрывке, т.-е. в форме пунктации, например: «Правовое положение женщины в СССР». Из заголовка, выраженного в форме тезиса видна точка зрения автора на освещаемый в отрывке вопрос [1]), а по заголовку, выраженному в форме вопроса или названия точку зрения автора узнать нельзя. Ее можно будет узнать, только из самого отрывка.

Часто встречается план, состоящий из заголовков различной формы. Одни заголовки там выражены в форме тезиса, другие в форме вопроса, третьи в форме названия. Это делается потому, что не все части произведения одинаково удобно обозначить заголовками одного типа. Одни главы удобнее обозначить заголовком в форме вопроса, другие—в форме названия и т. д. Но прибегать к такого рода комбинированному плану можно только тогда, когда уже усвоены все способы составления заголовков.

---

[1]) Поэтому здесь следует указать, что по плану, в котором заголовки выражены в форме тезиса, можно также получить некоторое представление о том, „что говорится“ по каждому вопросу, обозначенному таким заголовком.

Так как уловить отдельные части произведения легче после ознакомления со всем содержанием и с его организацией, то приступать к составлению плана лучше при вторичном чтении. При первом чтении следует только отметить границы между отдельными вопросами.

ФОРМЫ КОНСПЕКТА.

Практика выработала несколько форм конспекта. Выбор формы зависит как от характера произведения, так и от задач, которые связаны с конспектированием.

Самая распространенная форма — это конспект-изложение, где главное из содержания произведения излагается связно, в самом сжатом виде и в порядке заголовков плана. При этом можно составлять изложение двояко: 1) можно придерживаться подлинных слов и выражений автора, — это будет текстуальный конспект, 2) можно излагать содержание произведения своими словами, — это будет свободный конспект.

Текстуальный конспект-изложение. Текстуальный конспект применяется, главным образом, в тех случаях, когда надо записать главное из произведения в подлинных словах автора, или когда конспектирующий затрудняется кратко формулировать своими словами чужие мысли. Текстуальное конспектирование способствует обогащению памяти как словами, так и оборотами речи.

Как это уже было указано, следует начать конспектирование с составления плана произведения, чтобы получить основу для построения конспекта. Конспект-изложение размещается в двух колонках. (См. ниже образец текстуального конспекта № 1).

В левой колонке, занимающей $^1/_3$ ширины страницы, помещается план с пронумерованными заголовками. Против каждого заголовка помещается в правой колонке изложение содержания той части произведения, к которой заголовок относится. Изложение записывается в подлинных словах автора Из текста надо выбрать только ту часть, те фразы, в которых схвачено все основное и важное, в которых содержатся главные

мысли автора и необходимый материал, освещающий и доказывающий эти мысли.

Если одна и та же мысль повторяется в разных местах, в различной формулировке, то надо выписать только одну, самую четкую и сжатую. Если какое-нибудь положение очень растянуто и содержится по частям в нескольких отдельных фразах, надо из каждой фразы взять лишь несколько слов с таким расчетом, чтобы из таких отрывков составилась вполне точная формулировка всего положения.

Факты, справки, примеры, которые поясняют основные мысли автора, записываются в самом ограниченном количестве и тоже словами из текста.

При текстуальном конспекте можно выбрасывать из текста целые фразы и части фраз, но своими словами здесь ничего не излагается. Единственно только для связи отдельных частей можно поместить различные соединительные слова, вроде: «так как», «как-то», «поэтому», «следовательно» и т. п. Такие добавления подчеркиваются, чтобы отделить их от прочей части конспекта, записанной текстуально.

После сравнения приводимого ниже отрывка из статьи «Уроки Московского восстания» В. И. Ленина с текстуальным конспектом этого отрывка, — образец № 1, станет понятна техника его составления.

ОТРЫВОК.

...Таков первый урок декабрьских событий. Другой урок касается характера восстания, способа ведения его, условий перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого

единичного акта, являющегося результатом убеждения с одной стороны и сознания с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно-народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей борьбы за войско. Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. Дубасов сам заявил, что только пять тысяч московского войска из пятнадцати надежны. Правительство удерживало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство. Мы готовим и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско.

...Декабрь подтвердил наглядно ещё одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией.

Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходимо еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставить нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должы проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско.

Образец № 1.

Конспект (текстуальный) «Уроки Московского восстания». В. И. Ленина. (Т. X. Изд. 3-е).

О чем говорится (план)	Что говорится
1. Второй урок.	1. В правом крыле партии распространен взгляд, что нельзя бороться против современного войска, нужно, чтобы оно стало революционно. Московское восстание показывает мертвенность такого взгляда и бешеную борьбу реакции и революции за войско. Декабрь подтвердил положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства—отчаянно-смелое „наступление". Мы недостаточно учились и учили массы этому искусству. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Мы должны звонить во все колокола о необходимости наступления с оружием в руках и борьбы за колеблющееся войско.

Свободный конспект-изложение.

Составить свободный конспект, т. е. изложить главное из содержания произведения своими словами труднее, чем конспектировать текстуально. Одно дело выписывать чужие мысли словами автора, другое же дело эти мысли «переварить» и изложить их собственными словами. Последнее больше помогает прочному закреплению прочитанного.

Все, что говорилось выше о технике составления текстуального конспекта-изложения сохраняется и для свободного конспекта-изложения. Он также записывается в двух колонках. Все изложение должно носить связный характер во всех своих частях и в целом. Здесь также нельзя конспектировать фразу за фразой, так как часто одна и та же мысль повторяется в разных местах текста. Если какое-нибудь выражение автора или меткое слово обратили на себя особенное внимание, то их следует записать в конспект без изменения и поставить в кавычках.

Ниже приводится образец № 2 свободного конспекта-изложения. Он составлен по тому же отрывку, что и текстуальный конспект-изложение, с целью показать наглядней разницу между обоими видами конспекта.

Образец № 2.

Конспект (свободн.) «Уроки Московского восстания». В. И. Ленина. (Т. X. Изд. 3).

О чем говорится (план)	Что говорится
1. Второй урок.	1. Московское восстание показывает мертвенность взгляда правого крыла нашей партии, утверждающего, что с вооруженным восстанием надо ждать, пока войско станет революционно и бешеную борьбу за войско, неизбежно колеблющееся при истинно-народном движении. Надо усвоить положение Маркса: восстание есть искусство и главное правило его—отчаянно-смелое „наступление“ и агитировать за него в массах. Надо решительно отмежеваться от противников вооруженного восстания, как от врагов революции.

Тезисный конспект.

Для составления тезисного конспекта требуется большая подготовка, чем для составления конспекта-изложения. Эта форма конспекта может быть особенно рекомендована при проработке материала, предназначенного для доклада.

Чтобы пользоваться этой формой конспектирования, надо иметь представление о том, что называется тезисом. Слово «тезис» — обозначает всякую мысль, которую следует доказать или опровергнуть. Тезис должен быть выражен кратко и в категорической форме. Тезисы книги, доклада, речи показывают те мысли, те положения, которые отстаиваются и доказываются писателем или оратором. А доказываются тезисы при помощи приведения различных фактов, справок, примеров, цифр, цитат и т. п. и рассуждениями, основанными на этих данных.

Тезисы обычно выдвигаются по каким-нибудь важным, принципиальным вопросам научного и общественного значения, по которым существуют различные мнения. По вопросам незначительным, бесспорным выдвигать тезисы бессмысленно.

Тезисы часто самим писателем или оратором не формулируются. Но и тогда их можно установить, потому что они вытекают сами собой из всего сказанного по каждому затронутому вопросу.

Все, что приводится в доказательство правильности тезиса, называется доводами или аргументами. Одни доводы могут быть более убедительными, другие — не столь убедительными.

Разбирая приведенный здесь отрывок из статьи «Уроки Московского восстания» В. И. Ленина, мы видим, что в этом отрывке автор доказывает следующие положения.

1. Не следует ждать с вооруженным восстанием, пока войско станет революционно.

2. В момент восстания мы были не на высоте задачи в борьбе за войско.

Но здесь работа свелась к одному извлечению тезисов из этого отрывка, т. е. к тезированию его. Доводы же, которые автор приводит для доказательства правильности этих мыслей, здесь отсутствуют. Что же касается тезисного конспекта, то он должен содержать тезисы, выдвинутые по существенным

вопросам плюс наиболее убедительные доводы, приведенные автором в пользу каждого тезиса.

Составление тезисов требует навыка и сразу не дается. Это высшая форма обработки чужих и своих мыслей. Правильно составленные тезисы служат лучшим доказательством того, что материал вполне понят.

Тезисный конспект также строится на основе плана и размещается в 3-х колонках. Ниже приводится пример этого вида конспекта (образец № 3).

Материалом для демонстрирования техники составления тезисного конспекта послужил отрывок из статьи т. Сталина— «Год великого перелома» (Л. Правда № 257 от 7/XI 1929).

ОТРЫВОК.

В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

В неразрывной связи с этим достижением партии стоит второе ее достижение. Состоит оно, это второе достижение партии в том, что мы добились за истекший год благоприятного разрешения в основном проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности, взяли ускоренный темп развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну металлическую. В этом наше второе и основное достижение за истекший год.

Проблема легкой индустрии не представляет особенных трудностей. Она уже разрешена нами несколько лет тому назад. Труднее и важнее проблема тяжелой индустрии. Труднее, так как она требует колоссальных вложений, причем, как показывает история, в отсталых в промышленном отношении странах тяжелая индустрия не обходится без колоссальных долгосрочных займов. Важнее, так как без развития тяжелой промы-

шленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации. А так как мы не имели и не имеем никаких ни долгосрочных займов, ни сколько-нибудь длительных кредитов, то острота проблемы становится для нас более чем очевидной. Из этого именно и исходят капиталисты всех стран, когда они отказывают нам в займах и кредитах, полагая, что мы не справимся своими собственными силами с проблемой накопления, сорвемся на вопросе о реконструкции тяжелой промышленности и вынуждены будем пойти к ним на поклон в кабалу.

А что говорят нам на этот счет итоги истекшего года? Значение итогов истекшего года состоит в том, что они разбивают вдребезги расчеты господ капиталистов. Истекший год показал, что, несмотря на явную и тайную финансовую блокаду СССР мы в кабалу к капиталистам не пошли и с успехом разрешили своими собственными силами проблему накопления, заложив основы тяжелой индустрии. Этого теперь не могут отрицать даже заядлые враги рабочего класса. В самом деле, если капитальные вложения в крупную промышленность в прошлом году составляли свыше миллиарда 600 милл. руб., причем из них около миллиарда 30 милл. ушло на тяжелую промышленность, капитальные вложения в крупную промышленность в этом году составляют свыше 3 миллиардов 400 милл. руб., причем из них свыше двух миллиардов 500 милл. уйдет на тяжелую промышленность, если валовая продукция крупной промышленности за прошлый год дала 23 проц. роста, причем тяжелая промышленность в том числе дала рост на 30 проц., а валовая продукция круной промышленности на текущий год должна

дать рост на 32 проц., причем тяжелая промышленность в том числе должна дать рост на 46 проц., то разве не ясно, что проблема накопления для построения тяжелой промышленности не представляет для нас непреодолимых трудностей? Как можно сомневаться в том, что мы идем вперед ускоренным шагом по линии развития нашей тяжелой индустрии, обгоняя старые темпы и оставляя позади нашу «исконную отсталость».

Можно ли удивляться после всего сказанного, что предположения пятилетки оказались в истекшем году превзойденными, а оптимальный вариант пятилетки, считающийся у буржуазных писак «недосягаемой фантастической» и приводящей в ужас наших правых оппортунистов (группа т. Бухарина), превратился на деле в минимальный вариант пятилетки.

— «Мы знаем,—говорит Ленин,—что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало — не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления — этого тоже еще мало, нам необходима тяжелая индустрия. Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления, мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в самостоятельных субсидиях. Если у нас не найдется этих субсидий, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое — погибли». (Т. XVIII, Ч. 2. Стр. 95).

Образец № 3.

Пункт II.—В области строительства промышленности.

План	Тезисы (что доказывается)	Доводы (чем доказывается)
1. Проблема накопления.	1. Истекший год показал, что партия с успехом разрешила проблему накопления, заложив основы тяжелой индустрии.	1. а) Проблема тяжелой индустрии требует огромных вложений. В отсталых в промышленном отношении странах она не разрешалась без колоссальных долгосрочных займов. б) Итоги истекшего года разбивают вдребезги расчеты капиталистов, отказывавших нам в займах и кредитах с целью сорвать реконструкцию тяжел. промышленности. в) Капитальные вложения в крупную промышленность в прошлом году составляли 1 милрд 600 млн. р., причем из них около 1 милиарда 300 млн. ушло на тяжелую промышленность. г) Капитальные вложения в крупную промышленн. в этом году составляют свыше 3 млрд. 400 млн. р., при чем из них 2 млрд. 500 млн. уйдет на тяжелую промышленн. д) Валовая продукция крупной промышленн. за прошлый год дала 23% роста, при чем тяжелая промышл. в том числе дала рост на 30%, а валовая продукция крупной промышл. на текущий год должна дать рост на 32%, при чем тяжелая промышл. в том числе должна дать рост на 46%. е) Предположения пятилетки оказались в истекшем году превзойденными. ж) „Мы знаем,—говорит Ленин,—что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало—не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления—этого тоже еще мало, —нам необходима тяжелая индустрия...“. (Т. XVIII. Ч. 2. Стр. 95).

КОНСПЕКТИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО МАТЕРИАЛА.

При конспектировании многих книг и статей научного содержания вообще, а по народному хозяйству в особенности, приходится обычно сталкиваться с изобилием цифр, в виде статистических таблиц, занимающих иногда целые страницы.

Переписывать их целиком нет возможности и никакой надобности, выбросить их также нельзя, так как за цифрами всегда скрывается определенное содержание. Они служат часто доводами в пользу основных положений книги или статьи. Поэтому надо научиться выбрать из всей массы цифр лишь несколько самых показательных, самых важных, которые объясняют и подтверждают мысли автора. Остальное же можно отбросить.

Имеющиеся ряды однородных цифр (например ряд цифр, показывающий по годам выработку чугуна, нефти и т. д.) надо сопоставлять друг с другом, сравнивать и делать отсюда выводы. Из сделанных выводов записывать лишь те, которые имеют значение для данного положения.

При сравнении различных цифр следует записывать их преимущественно в процентах, что дает возможность яснее себе представить разницу между ними. Выработанные для записи цифры нет нужды приводить полностью, их можно округлять, если не требуется совершенной точности. Выводы от этого не изменятся, цифры же в таком виде легче осознать, сравнивать и даже запомнить. При таком отборе материала из какой нибудь таблицы, где имеется до сотни цифр, достаточно будет выписать около десяти, в которых и будет заключаться все то, что таблица должна была нам показать.

Основное правило округления цифр заключается в следующем. Пол'единицы и больше доводится до целой единицы (например, вместо $4^1/_2$, $4^3/_4$ записывается и говорится: около 5), а все, что меньше полуединицы, отбрасывается (например, вместо 4^1 $4^1/_3$ записывается и говорится: свыше 4). Но в некоторых случаях даже $^1/_3$ коп. может иметь большое значение, например, при приведении роста заработной платы при сдельной работе, или в отчетном докладе. Здесь надо указать точную цифру.

Приведенный здесь пример полнее разъяснит, как следует поступать с цифровым материалом. Для образца записи взята сравнительно крупная таблица из 5-летнего плана развития промышленности СССР. (См. табл. стр. 42 — 43).

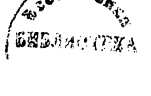
Означенная таблица показывает валовую продукцию цензовой промышленности за 1913, 1922/3, 1927/8, 1932/3 годы, а также, какой процент довоенной выработки дают годы 1922/3, 1927/8, 1932/3.

Вся таблица имеет целью показать нам результаты, достигнутые за период восстановления народн. хозяйства—1922/3—1927/8 г.—и те перспективы, которые сулит 5-летний план производства. При внимательном чтении таблицы видно, что для поставленной цели нет необходимости записывать точно, сколько тонн или метров получилось или будет получено по той или другой отрасли промышленности. Такие отдельные цифры недостаточно красноречивы. Показательными в этой таблице надо считать вертикальные графы 7, 8, 9, где наши достижения в конце каждого периода полностью выявлены. По ним можно вполне проследить, где промышленность отстает и где она быстро движется вперед.

Сосредоточив внимание на упомянутых графах, мы можем сделать из таблицы следующие важнейшие выводы, которые и войдут в конспект.

1) К началу восстановительного периода—1922/3 г. мы имеем в среднем по всей промышленности около 33% довоенной выработки. Из них нефть и соль около 50%, каменный уголь свыше 38%, текстиль в среднем составляет около 25% довоенного. В худшем положении добыча руды и вообще металлургия,—от 4 до 14%; в таком же положении силикатная промышленность,—свыше 10% в среднем. Сахарная промышленность составляет свыше 16%. Сильно возросла добыча торфа,—около 163% довоенного.

2) К 1927/8 г. восстановительный процесс в основном заканчивается. Мы имеем уже превышения довоенной нормы: по каменному углю свыше чем на 22%, понефти около 26%, по машиностроению около 87%, по соли свыше 16%, по торфу 350%, по химпромышленности около 39%,—для серной кислоты,—и около 173% для суперфосфата, по текстильной промышленности 21%, для хлопчато-бумажной и 1% для



ТАБЛИЦА

(послужившая материалом для конспективной записи).

Динамика промышленного производства по сравнению с 1913 г.

ПОКАЗАТЕЛИ	Единица	Абсолютные данные *)				В % к 1913 г. *)		
		1913 год	1922/3 год	1927/8 год	1932/3 год	1922/3 год	1927/8 год	1932/3 год
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Производство (в натуре)								
а) Отрасли средств произв. (гр. „А“)								
1. Каменный уголь . .	млн. тонн	28,9	11	35,4	75	38,1	122,5	259,5
2. Нефть .		9,3	5	11,7	22	49,5	125,8	233,3
3. Торф		1,6	3	6,9	16	162,5	450,0	1.000,0
4. Руда железная .		9,2	—	5,7	19	4,3	62,0	210,9
Чугун . .		4,2	—	3,3	10	7,1	78,6	238,1
6. Мартен .		4,2	—	3,9	10	11,9	95,2	247,6
7. Прокат .		3,5	0,4	3,2	8,0	14,3	91,4	228,6
8. С.-хоз. машиностр. (по прейскурант. довоенн. ценам) . .	млн. руб.	67	14	125	498	20,9	186,6	743,3
9. Цемент .	млн. бочек	12,3	1	11,9	41	11,4	96,7	325,2
10. Кирпич .	млн. штук	2.144	213	1.785	9.300	9,9	83,3	433,8
11. Суперфосфат .	тыс. тонн	55	5	150	3.400	9,1	272,7	6.181,8
б) Предметы потреб. (гр. „Б“)								
12. Хлопч.-бум. пряжа .		271	75	328	620	27,7	121,0	228,8
13. Шерстяная ткань .	млн. м.	95	22	96	270	23,2	101,0	284,2
14. Льняная .		—	93	165	500	—	—	—

*) Успехи социалистического строительства позволили теперь запроектировать значительно большие контр. цифры. Например, по каменному углю—125 млн. тонн. по чугуну—17 млн. т. и т. д. *Ред.*

ПОКАЗАТЕЛИ	Единица	Абсолютные данные				В % к 1913 г.		
		1913 год	1922/3 год	1927/8 год	1932/3 год	1922/3 год	1927/8 год	1932/3 год
1	2	3	4	5	6	7	8	9
15. Сахарный песок . .	тыс. тонн	1.290[1])	211	1.340	2.600	16,4	103,9	201,6
16. Соль		1.978	950	2.300	3.250	48.0	116,3	164,0
17. Галоши .	млн. пар	28	10		75	35,7	132,1	267,9
II. Продукция цензовой пром-сти в довоенных ценах .	млрд. руб.	6,4		8,1	21	32.8	126,6	331,5
III. Реальная зарплата пром. рабочих (включ. и коммунальные услуги) .		—	—	—	—	54,2	122,5	208,9

шерстяных тканей. Процесс еще не закончен в области металлургической и силикатной: в 1-й мы имеем около 82% довоенного, по 2-й—90%.

3) Последний год пятилетки—1932/3—дает ошеломляющие цифры. В сравнении с довоенным мы имеем: по каменному углю около 260%, по торфу 1.000% по металлургии свыше 232%, по силикатной промышленности около 380%, по текстилю в среднем свыше 250%, по серной кислоте свыше 966%, по суперфосфату около 6182%.

4) Продукция цензовой промышленности в довоенных рублях, составлявшая в 1922/3 г. около 33% от нормы 1913 г., дает к концу 5-летки около 332%.

5) Резко возрастает с.-х. машиностроение: в 1922/3 г. около 21% довоенного, к концу 5-летки—свыше 743%.

6) Реальная зарплата, составлявшая в 1922/3 г. свыше 54% довоенного, в 1932/3 г. составляет около 209%.

Из этой таблицы можно сделать еще ряд выводов, например, о разнице роста темпов промышленности по каждой 5-летке, но это будут уже выводы второстепенного значения. А выводы, приведенные выше, являются извлечением из таблицы самого

[1]) Выработка 1914 г.

главного и существенного. В таком конспектированном виде следует представить в докладе перед большой (не специальной) аудиторией всякую статистическую таблицу.

ВЫБОР ФОРМЫ КОНСПЕКТА.

После ознакомления с главнейшими формами конспекта естественно возникает вопрос, когда следует пользоваться той или другой формой. Дать на это исчерпывающий ответ не представляется возможным. Выбор формы будет зависеть от всех условий работы: от степени подготовленности работника, от содержания материала, от срока работы и т. д. Выше уже говорилось, что при слабой подготовленности полезно составлять текстуальный конспект-изложение. Далее по степени трудности следуют: свободный конспект-изложение и тезисный конспект. Если речь идет о материале историческом, где преобладают факты и мало приводится общих положений, то лучше применить конспект-изложение. Если же материал такой, в котором выдвигаются и доказываются, главным образом, какие-нибудь положения, то здесь лучше составить тезисный конспект. Наконец, в одном и том же произведении могут встретиться части различного содержания. К каждой части такого произведения можно применить наиболее подходящую форму конспекта, что в общем составит комбинированный конспект. Но им следует пользоваться тогда, когда уже усвоена каждая из указанных здесь форм конспекта.

КОНСПЕКТИРОВАНИЕ РЕЧИ ВО ВРЕМЯ СЛУШАНИЯ.

В заключение придется кратко остановиться на вопросе, как составлять конспект во время слушания лекции, доклада и пр. Вопрос этот стоит особняком. Многое из того, что говорилось о составлении конспекта по печатному материалу, здесь неприложимо. Но умение уловить главные мысли и наиболее важное, что их развивает и подкрепляет, обязательно и здесь. Стремление записать побольше обычно отвле-

кает от осмысливания и восприятия речи. Конспектирующий не должен превращаться в записывающую машину. Внимание надо сосредоточить на отборе главных мыслей, наиболее важного справочного материала (имена, цифры, ссылки), а также метких и характерных выражений. «Сначала подумать, потом записать, никогда—наоборот»,—говорит И. Устинов.

Значительно облегчается работа по конспектированию речи, если у слушателя имеются на руках тезисы. Они заранее знакомят с основными мыслями оратора, во-первых, и дают возможность лучше следить за ходом речи—во-вторых.

Полезно установить для себя ряд условных знаков, чтобы вести запись во время слушания сокращенно. В перерыве надо запись просмотреть и отметить неясные места, о которых можно справиться у оратора по окончании речи. Приведение записи в полный порядок, т. е. расшифровка кратко записанных мест, пополнение ее, а также изображение в виде одной из указанных форм конспекта, если ее придется использовать через некоторое время, лучше удается под свежим впечатлением, пока речь не забыта.

Так как у большинства людей лучше развита зрительная память, то редкий докладчик может положиться на одну свою слуховую память и не записать сказанного в прениях, которые ему придется учесть в своем заключительном слове. Но записать всего невозможно да и не нужно. Поэтому для докладчиков особенно важно овладеть техникой конспективной записи во время слушания.

А. Новак.

ФИГУРЫ РАССУЖДЕНИЙ[1]).

Наша мысль, представляя ряд утверждений, связанных между собою таким образом, что наличие одного неизбежно в данный момент, в силу тех или иных причин, вызывает и наличие другого, т. е. тем, что каждое из них либо доказывает рядом стоящее, либо само им доказывается, всегда есть некоторое доказательство. Имея непосредственное отражение в речи, мышление естественно переносит свои свойства и на нее. А потому в речи мы не можем не наблюдать тех же особенностей доказательства, какие наблюдаем в явлениях мышления.

Ораторская речь не выпадает из поля действия явлений такого рода. Больше того, будучи строго организованной в установке на убеждение, она тем самым еще более четко проявляет свои особенности как доказательство, представляющее большой теоретический интерес и дающее в результате его изучения значительную практическую пользу.

Для агитатора эта практическая польза сводится в основном к возможностям систематизировать и рационализировать свою речь. Она искупается тем, что на основе изучения доказательств агитатор овладевает суммой приемов, позволяющих

---

[1]) Термин „фигуры рассуждения" заимствован из труда *В. М. Крепса* „Устная Агитация" изд. Гос. Курсов Агитации, где дана и первоначальная разработка типовых фигур ораторского рассуждения. Автор считает необходимым указать на это обстоятельство потому, что в некоторых частях предлагаемая работа является развитием положений тов. Крепса в вышеназванном труде.

ему строить свою речь так, чтобы она представляла собой стройную, связную систему утверждений, при помощи которой можно с наименьшей затратой сил добиться наибольших результатов. Зная законы, формы и виды доказательств, агитатор легче сможет строить свою речь, во-первых, связно, во-вторых убедительно, в третьих, без лишних не относящихся в данный момент к делу мыслей и слов.

Всякое доказательство представляется состоящим из двух частей—тезиса и аргумента. Под тезисом принято понимать утверждение, которое ставится в связь с другими для оправдания его этими последними. Он является центром доказательства, для которого, в сущности последнее и строится. Под аргументами понимается утверждение, служащее средством оправдания тезиса, средством его доказательства. В данной системе они носят исключительно подсобный характер, будучи не целью, а средством доказательства тезиса.

В зависимости от характера аргументов, от их отношения по содержанию к тезису и друг другу различаются отдельные виды и методы доказательств: индуктивное и дедуктивное, прямое и косвенное, генетическое (по происхождению) и по существу. Каждый из них имеет свое значение, свое применение и свою закономерность в том или ином случае агитационной речи. Наряду с этим, однако, всякое доказательство к какому бы виду и методу из перечисленных выше оно ни относилось, помимо взаимоотношения частей по содержанию характеризуется еще внешней стороной своего строения. Под этой последней следует разуметь ту форму доказательства, в которой оно проявляется в данный момент, как известный имеющий свой отправной пункт, промежуточные этапы и определенный конец, процесс рассуждения или иначе, проще говоря, порядок, последовательность высказывания изложения частей, которые данное доказательсто содержит. В зависимости от того или иного порядка изложения, мы имеем так называемые фигуры рассуждения, разные для разного случая и, так же как виды и методы доказательства, имеющие свою закономерность.

Эти фигуры какоп ределенные формы изложения, в практике агитречи приобретают серьезнейшее значение. Для агитатора мало знать, чем и что я докажу, ему нужно помимо

этого знать и то, как сделать свое доказательство, во-первых, более понятным и, во-вторых, более усвоемым. Это же зависит от того, как я его изложу, в каком порядке, в какой внешней связи между отдельными его частями, т. е. по какой фигуре рассуждения.

В основном имеются две фигуры рассуждений: фигура тезиса и фигура аргумента. Первая отмечается тем, что изложение по ней доказательства идет от высказывания тезиса к высказыванию аргумента.

Например.

Противоречия между СССР и капиталистическими странами обостряются:

Новые налёты белогвардейцев на К.-В. ж. д.

Травля СССР буржуазной печатью.

Попытки сорвать советский экспорт.

Вторая фигура имеет обратный ход изложения. От первоначального высказывания аргументов к высказыванию тезиса.

Мексика под давлением Америки порвала дипломатические сношения с СССР.

(Аргумент 1-й).

Правительство САСШ в Советско-Нанкинском конфликте играло организационную враждебную СССР роль.

(Аргумент 2-ой).

САСШ толкнула Германию на заключение враждебного СССР Германо-Польского договора.

(Аргумент 3-й).

Руководство борьбой против Советского Союза сосредоточивалось в Америке.

(Тезис).

Однако, каждая из этих фигур имеет еще свои разновидности, которые основаны на том, являются ли аргументы в данном доказательстве связанными между собой или же они самостоятельны, не зависимы друг от друга. В связи

с этим фигура и тезиса, и аргумента может быть: либо постепенной, либо охватывающей [1]).

В первом случае аргументы связаны между собой, например:

Коллективизация сельского хозяйства требует усиления культурно-просветительной работы в деревне.

Усиление культ-просвет. работы требует увеличения кадров культ-просветительных работников.

Следовательно:

Необходимо увеличить подготовку новых кадров культ-просвет.-работников для деревни.

Во втором случае (охватывающая) аргументы независимы один от другого. Например:

Противоречия между СССР и капиталистическими странами обостряются:

Новые налеты на К.-В. ж. д.

Травля СССР буржуазной печатью.

Попытки сорвать Советский экспорт.

Как можно видеть из приведенных примеров, связь аргументов в постепенной фигуре приводит к тому, что там выпадение одного из них неизбежно должно отражаться и на всем доказательстве, делая прорыв в последовательной цепи утверждений, его составляющих. В то время как самостоятельность аргументов в фигуре охватывающей ведет к возможности безболезненного для общей системы доказательства выпадения одного из них. В самом деле:

Стабилизация увеличивает товарность капиталистического хозяйства.

(Аргумент 3-й).

Увеличение товарности усиливает потребность в рынках сбыта.

(Аргумент 2-й).

Усиление потребности в рынках при современном разделе приводит к обострению борьбы за них.

(Аргумент 1-й).

---

[1]) См. *В. М. Крепс* „Устная Агитация".

Следовательно:

Стабилизация обостряет противоречия между империалистическими странами.

Выпадение аргумента второго должно привести к разрушению всей доказательной системы. Образуется как бы пропуск, не заполненная пустота, которая все рассуждение лишает доказательной силы. Выпадение аргумента третьего лишает доказательство точки опоры, базиса, делая непонятным почему же можно доказывать что-то аргументом вторым в то время как он сам еще не бесспорен.

Другой пример, но уже с охватывающей фигурой:

Красная армия является классовой армией рабочих и крестьян.	Красная армия хорошо вооружена.	Красная армия политически воспитана.

Следовательно:

Красная армия—надежный защитник СССР.

Любой аргумент из этой фигуры может быть удален, никак не отражаясь на доказательной силе остальных. Заменяя или удаляя аргумент первый, имеем два остальных, которые попрежнему доказывают тезис. Такое же положение имеем выбрасывая или заменяя другие аргументы.

Это обстоятельство имеет весьма существенное значение для агитатора. Мы знаем, что разные аудитории отличаются известными различиями, в характере восприятия, в зависимости от социальных причин, особенностями внимания, памяти, интереса и т. д. Так, например, для ученого и вообще человека, привыкшего к умственному труду, к последовательному мышлению от тезиса к тезису, от факта к факту, через сцепление их от первичных до конечных, привыкшего фиксировать свое внимание на мелочах и долгое время,—наиболее приемлемой будет фигура постепенности тезиса или аргумента. Наоборот для людей среднего уровня, которые имеют иные способности, удобнее охватывающая. Внимание их держится в разное время на разных уровнях. Слушают они не одинаково хорошо, а с перерывами рецидива отвле-

чения от речи к другим объектам. Благодаря этому, возможно, помимо воли и желания оратора, выпадение того или иного аргумента из поля восприятия той или иной части аудитории. Постепенная фигура от этого теряет всю стройность, охватывающая—только часть.

Но это только одна сторона. Помимо этого можно отметить не одинаковое значение той или иной фигуры и по отношению к отдельным жанрам речи. Речь серьезного, научно-политического свойства или чисто научного (научно-политический доклад, научная лекция) требуют, во-первых, исхода от аргумента и, во-вторых, последовательного сцепления утверждений фактически аргументативного характера с новыми, из них вытекающими и, так до тезиса. Очевидна из этого необходимость развития данного жанра речи в системе постепенной фигуры аргумента.

Иное дело агитдоклад или агитречь. Здесь важно не столько показать самый процесс рассуждения, сколько закрепить тезис в мысли аудитории. В силу этого связь аргументов нужна менее, чем четкость деления и показ отдельных звеньев. А потому, наиболее предпочтительным для этого жанра является охватывающая фигура тезиса.

Совершенно особое место в ряде фигур занимает, так называемая, фигура повторения. Будучи разновидностью фигуры тезиса, она характеризуется тем, что раз высказанный тезис после изложения аргументов повторяется вновь. Такое строение речи значительно повышает усвояемость аудитории. Известно, что усвояемость человека подчинена ряду законов в том числе и закону повторного проторения нервопроводящих путей. Вот на нем то и основана лучшая усвояемость речи по фигуре тезиса с повторением.

Из сказанного можно смело вывести, что если охватывающая фигура дает большую гарантию полного и целостного восприятия доказательства, если, с другой стороны, повторение повышает усвояемость, то, очевидно, наиболее целесообразной фигурой агитдоклада для средней аудитории и будет охватывающая фигура тезиса с повторением [1]). Установив, таким образом, основные фигуры рассуждений, следует заметить,

[1]) См. *В. М. Крепс.* „Ус

что помимо их, довольно часто, встречаются комбинированные фигуры, построенные на основе сочетаний этих основных. Это сочетание может давать следующие комбинации. Во-первых, сочетание охватывающей фигуры аргумента с охватывающей фигурой тезиса. Во-вторых, — постепенной фигуры аргумента с охватывающей фигурой тезиса. В-третьих, — охватывающей фигуры аргумента с постепенной тезиса. И наконец, в четвертых, — постепенной аргумента с постепенной тезиса. Такое сочетание осуществляется следующим образом: в речи, построенной в плане комбинированной фигуры, сначала идет рассуждение от аргумента к тезису охватывающе или постепенно, а затем от этого же тезиса к аргументу, но уже другого порядка, и опять таки, в зависимости от материала и случая охватывающе или постепенно.

Кроме того можно иметь еще бесконечное количество комбинаций внутри какой нибудь фигуры. Дело в том, что речь почти никогда не дает непосредственно связанных тезиса и аргумента. Аргумент, являясь утверждением фактически бесспорным для данной аудитории, в большинстве случаев доказывает тезис через какие то промежуточные утверждения, являющиеся тезисом по отношению к аргументам и положением доказывающим по отношению к тезису. Эти промежуточные утверждения мы назовем подчиненными тезисами или, сокращено, подтезисами. Так вот, в силу этого, помимо выше приведенной возможности комбинаций фигур, может быть и другая, идущая по линии разнообразия фигур, применяемых в доказательствах разных подтезисов одной и той же речи. Один подтезис доказывается, скажем, по охватывающей тезиса с повторением, другой по постепенной тезиса, вся же общая фигура строения речи может представлять собой охватывающую фигуру тезиса.

Стабилизация капитализма не прочна.

(Тезис).

Стабилизация обостряет противоречия между империалистическими странами.

(Подтезис 1).

Усиление потребности в рынках при современном разделе приводит к обострению борьбы за них.

(Аргумент 1).

Увеличение товарности усиливает потребность в рынках сбыта.

(Аргумент 2).

Стабилизация увеличивает товарность капиталистического хозяйства.

(Аргумент 3).

Стабилизация привела к увеличению безработицы.

(Подтезис 2).

САСШ (Аргумент 1).

Англия (Аргумент 2).
Германия (Аргумент 3).

Таковы, в общих чертах, возможности строения рассуждения в ораторской речи, развития и изложения доказательств. Но при всем этом совершенно естественен вопрос, а как же строить свою работу подготовки, откуда начинать и чем кончать?

Первым и основным этапом в работе агитатора должно явиться точное выяснение того: зачем, для чего, ради какой цели нужно выступать в данной аудитории, при данных условиях, на данную тему. Выяснение этого дает агитатору указание, чего он должен добиваться своим выступлением, т. е. определяет, как говорят, его целевую установку. В связи с целевой установкой определяется основной тезис, как утверждение, восприняв которое аудитория, осуществит целевую установку, или иначе, заставив воспринять которую, агитатор добьется того результата, который ему нужен. Это—второй этап работы. Ясно при этом, что основной тезис должен в каждом отдельном случае находиться в тесном соответствии с целевой установкой.

Затем, мы через вопросы по отношению к тезису: почему, откуда это видно, что из этого следует, устанавливаем подтезисы и, наконец, тем же путем аргументы. Когда найдены подтезисы, аргументы,—весь этот материал располагают по определенной фигуре уже для его изложения. Отсюда ясно, что фигура рассуждения отнюдь не строится на сыром и необработанном

материале. Только расчлененый материал, осознанный в целях и средствах, можно организовывать по той или иной фигуре. Это нужно помнить, равно как и то, что сознательное применение фигур рассуждений в практике подготовки агитатора и в практике непосредственного действия значительно повышает качество его работы, убедительность агитационной речи.

П. Соколов.

СМУЩЕНИЕ И РОБОСТЬ У ОРАТОРОВ.

Кто из начинающих ораторов не испытал тяжелых минут острого смущения и расслабляющей робости на первых порах своих публичных выступлений.

Каждый агитатор и пропагандист крепко запоминает свои первые шаги на ораторском поприще. Сколько провалов и неудач. Сколько неоправданных надежд и неосуществленных намерений. И как часто, даже имеющий некоторый опыт товарищ, окончив речь, начинает себя терзать: «Как плохо я сказал», или «Как я мог упустить самое важное», или, наконец, «Нет,—больше не буду выступать». Последнее встречается довольно часто. Изрядная доля ораторов, испробовав свои силы в устной речи и убоявшись собственной тени, вообще начинает избегать трибуны.

Стоит только научиться побеждать свой страх перед аудиторией,—и оратор решил одну из важнейших задач, стоящих перед ним: он может говорить свободно. В повседневной разговорной речи редкий человек затрудняется излагать свои мысли: слова сами приходят ему на ум, одна мысль течет за другой. Между тем, в обстановке публичного выступления, под влиянием пожирающего чувства страха слова, зачастую, поступают с перебоями, мысли идут не в порядке логического развертывания, а как придется, в голову лезет всякая чепуха, руки и ноги оратору кажутся

чужими и сильно мешают, наконец, часто случается «шок». Шоком называется такое состояние, когда оратор теряет окончательно нить мыслей и забывает о чем он говорит. Если не уметь бороться с шоком, — можно дойти до позорнейшего провала.

Все ли ораторы подвержены страху? На это следует ответить прямо: все, — начинающие и многоопытные, средние и выдающиеся, плохие и хорошие. На первых порах ораторской деятельности страх обычно проявляется с огромной силой у любого оратора. Для примера приведем историю первого выступления такого выдающегося политического деятеля и опытнейшего оратора, как Клара Цеткин [1]).

«По настоянию друзей, Клара, захватив детей, поехала в Лейпциг. Немедленно по приезде она посетила мастера, у которого Цеткин обучался столярному ремеслу. У него в саду она застала нескольких рабочих, социал-демократов, которые забросали ее вопросами о политической борьбе, которую вели тогда французские пролетарии.

Клара со свойственным ей жаром и пылом развернула перед ними широкую картину той напряженной идейной борьбы различных политических течений, ареной которых был тогдашний Париж. Она рассказывала им также о грандиозных митингах, демонстрациях, участницей которых она сама являлась.

Через несколько дней Клара получила предложение выступить на нелегальном собрании рабочих с докладом. Она долго колебалась. Несмотря на свое блестящее остроумие, находчивость, полемический задор, Клара по своей застенчивости долгое время не решалась выступать на собраниях. Осип Цеткин, чтобы приучить ее к выступлениям, неоднократно без ее ведома вносил ее в списки ораторов, но как только приходила ее очередь выступать, она упорно просила снять ее имя. И на этот раз Клара обратилась за советом к Осипу, но получив его категорический ответ: «Твой долг сделать доклад», — она изъявила согласие.

Немало волновалась Клара, готовясь к своему первому выступлению. А во время самого доклада она вдруг поте-

[1]) Из брошюры *З. Боярской*: Клара Цеткин. 2-ое изд. Гиз. 1928 г

ряла нить своих мыслей, умолкла, и ей показалось, что она вместе с кафедрой подымается на воздух. Овладев собой, она все же кончила. Впоследствии Клара во все время своего пребывания в Лейпциге часто выступала на нелегальных собраниях рабочих, созывавшихся в окрестностях».

Из этого отрывка мы видим, что Клара Цеткин «с жаром и пылом» агитировала рабочих в частной беседе и «подымалась на воздух» во время своего первого публичного выступления.

Разница между робостью у опытного оратора и у начинающего в том и состоит, что первый умеет волнение подчинить своей воле полностью и употребить его, как топливо для разжигания ораторского воодушевления, а второй оказывается рабом своего смущения и жалко влачит свою прерывающуюся речь.

Как держаться во время разлива ораторского волнения?

Некоторые ораторы ищут выхода в повышении голоса, доходящего до крика, в свирепой аффектации и бегании по трибуне. Этими приемами они пытаются (обычно инстинктивно) замаскировать свое волнение. Напрасный труд! Аудитория отлично понимает, что такой оратор «кричит от страха».

Другие начинают очень быстро говорить, пытаясь взять разгон и сыплют словами без толку. Это тоже никуда не годится. Получается «запор мыслей и понос слов».

Наконец, третья категория старается найти спасенье в просматривании записей и конспектов. в тяжелых паузах и остановках и в питье воды.

Все это очень расхолаживает аудиторию и не дает ровно никакой пользы. Воды у взволнованного оратора и так бывает много в речи, многочисленные записи спутывают остатки мыслей, безконечные остановки убивают все внимание в зале. Недаром говорят китайцы: «Кто едет верхом на тигре — не может слезать по пути». Это целиком применимо и к ораторам. Разумеется, оратору иногда бывает необходимо заглянуть в записи. Мы имеем здесь ввиду просматривание конспектов со специальной целью скрыть смущение.

Каким должно быть правильное поведение волнующегося оратора? Все силы он должен направить на преодоление

робости и на стремление скрыть свое состояние от аудитории. Самая благожелательная аудитория испытывает большое удовольствие, когда видит, что оратор сбивается. Обычно она начинает смеяться,—не по злобе, а потому, что оратор, съедаемый волнением, действительно, бывает часто смешон. Исключением являются случаи, когда вопрос идет о жизни или смерти оратора, слушателей или вообще о вещах необычайной важности,—тогда всякая речь будет выслушана со вниманием.

В обстановке обычного рабочего собрания оратор сам должен выпутываться из своего волнения и по возможности его скрывать. Воистину, к ораторам вполне применим шуточный лозунг: «дело спасения утопающих есть дело самих утопающих».

Волнующийся оратор должен делать поменьше жестов, не ходить по трибуне, не рассеивать свое внимание. Нужно стараться смотреть аудитории в глаза, встречая «опасность» грудью.

Теперь установим на каких собраниях и в каких случаях смущение и робость сильнее.

Чем больше собрание, тем большее количество колющих глаз и упругих воль устремлено на оратора. Выступление на пленуме коллектива труднее, чем выступление на собрании ячейки. Каждый рабочий агитатор это знает. Есть такие товарищи, которые на ячейке выступают сколько угодно, а на пленуме коллектива не рискуют.

Разумеется, дело не только в количестве собравшихся. Многие товарищи, имеющие опыт выступлений на массовых собраниях весьма теряются при выступлениях на бюро райкома или на собрании ИТС. Иногда присутствие в аудитории только одного более заметного человека может нервировать оратора (например, присутствие обследователя на занятии кружка или на докладе).

Большую роль играют также взаимоотношения оратора с аудиторией. Важно, знает ли вас аудитория и с какой стороны. Если вы в ее глазах авторитетны—смущение не сорвет речь. Например, Максим Горький на Пленуме Моссовета (1928 г.) пытался отвечать на приветствия, но не смог,—прослезился и сказал: «Э, да я лучше вам напишу»... Собрание ответило на эту «речь» великого революционного писателя бурной овацией.

Разумеется середняк-агитатор вряд-ли удовлетворил бы массу такой «речью» вызванной большим смущением.

Если выступление происходит в аудитории, где оратора не знают, — волнение, обычно, достигает среднего уровня. Но такое выступление сильно облегчается тем, что аудитория вначале внимательно слушает незнакомого человека. Он «свежее». Кроме того, здесь оратор может пускать в ход весь арсенал своих сведений и приемов убедительности без риска повториться и сказать надоевшую вещь.

Когда аудитория знает оратора с отрицательной стороны или настроена по отношению к нему враждебно, тогда волнение имеет богатую пищу для развития, и самообладание дается только очень дорогой ценой, — ценой жесточайших усилий воли. Разве мог не волноваться Володарский, когда ему в 1917 г. меньшевики, заправлявшие собранием, не хотели давать слово на Путиловском заводе, когда из аудитории раздавались возгласы «долой». Он еле упросил собрание дать ему 5 минут, и если говорил 2½ часа и завоевал симпатии подавляющей массы рабочих, то благодаря тому, что уже в первые 5 минут речи сумел развернуть основные лозунги большевиков и блестяще их осветить. Какое самообладание для этого потребовалось!

Наконец состояние оратора зависит еще от характера и темы выступления. Одно дело выступать с небольшим сообщением или в прениях. Другое дело ответственный политический доклад. Затем, если выступаешь на обычную «проходную» тему (даты красного календаря, отчеты о работе низовых организаций и т. д.) — волнение, конечно, меньше, чем при выступлении на тему глубоко волнующую всю массу. Например, выступления против «левых» или правых оппортунистов гораздо больше «стоят» оратору, чем отчет ячейки Мопра.

Итак мы видим, что сила ораторского волнения зависит: 1) от количества слушателей, 2) от состава аудитории, 3) от взаимоотношений между оратором и аудиторией и 4) от характера и темы речи.

Вывод напрашивается сам собой. Начинающий оратор, еще не научившийся обуздывать свое волнение, должен пробовать свои силы сначала на небольших собраниях

в знакомой, равной ему по развитию и хорошо относящейся к нему аудитории и притом по вопросам не носящим особо ответственного характера. Для начала рекомендуются выступления в прениях на цеховых собраниях, высказывания на занятиях школ и кружков и т. д., причем в первых выступлениях рекомендуется развивать только одну мысль. Затем полезно постепенно расширять количество слушателей, и лишь после этого можно рискнуть на ответственное выступление перед квалифицированной аудиторией и на сложную тему.

Разумеется, если рабочий агитатор видит кругом себя безобразия и недостатки, он обязан в порядке большевистской самокритики принять меры к их искоренению, не дожидаясь выполнения своего «учебного плана самообладания». В таких случаях необходимо, конечно, выступить на собрании с разоблачениями и критикой, — если есть веский материал. Собрание внимательно выслушает такую речь, как бы ни волновался оратор. Нужно только помнить, что при большом смущении и робости многое в выступлении пропадает и не будет доказано. Бывает даже, что оратор наговорит и того, чего не хотел сказать, и только испортит дело. Мы даем настоящие указания в расчете на нормальную подготовку рабочего агитатора в заводской обстановке и, разумеется, не можем предусмотреть всех случаев, которые может выдвинуть наша богатая политическая жизнь. Но правильный путь — это путь постепенной ораторской шлифовки, путь постепенного развития ораторского самообладания.

Какие советы можно дать для быстрейшего развития самообладания на трибуне?

Попробуем их изложить в систематическом порядке.

1) Тщательная и серьезная подготовка. Если вопрос хорошо изучен и продуман, если оратор знает наверняка, что он по данному вопросу вооружен гораздо лучше, чем его аудитория — тогда уверенность в себе возрастает весьма заметно. Полезно бывает также в процессе подготовки заготовить один листок-памятку с выпукло написанными вехами речи (крупно с одной стороны листа). В этот листок можно изредка заглядывать.

2) Репетиция речи. Весьма полезно подготовленную речь произнести двум-трем товарищам и выслушать их ука-

зания. Так как находится мало желающих слушать речи молодых ораторов, то можно условиться с товарищами о взаимном обслуживании в этом смысле. Можно также речь репетировать по частям, т. е. один кусок перед одним, другой перед вторым и т. д. Если выступление носит очень ответственный характер, нужно стремиться перед ним выступить на эту же или близкую тему на другом, менее важном собрании, чтобы проверить себя и свою речь для «большого плавания».

3) Регулировка своего организма. Оратор на трибуне не должен иметь никаких неприятностей со стороны своего организма. Накануне доклада надо хорошо выспаться. Не надо есть возбуждающей и острой пищи. За два часа до выступления не следует вообще ничего есть (иначе кровь приливает к желудку, а во время речи нужно усиленно питать кровью головной мозг). До выступления следует вволю напиться (лучше всего горячий чай или лимонад). Перед выходом на трибуну следует проверить свой организм во всех отношениях.

Некоторые начинающие ораторы пытаются преодолеть свой страх, выпив перед выступлением вина, пива или водки. Это строжайше воспрещается. Дело в том, что алкоголь, введенный в организм даже в ничтожной дозе, сильно влияет на центр речи, и оратор начинает плести всякую чушь. Теряется контроль над речью, и выступление принимает скандальный характер. Да кроме всего прочего, как смеет агитатор или пропагандист нашей партии издавать сомнительный аромат во время выполнения общественного долга. Ведь это роняет в грязь авторитет, не только оратора, но и самой партии.

4) Самовнушение. Очень важно, как себя настроить. Если оратор будет думать: «Ну, я то непременно провалюсь»,— он может себя в этом легко уговорить. Наоборот, нужно воспитать себя в мысли, что «не боги горшки обжигают»,— раз другие, такие же рабочие, как я, выступают, — значит я тоже могу это делать. Нужно внушать себе мысль, что выступление наверняка будет удачным. Если армия идет в атаку, думая о поражении, — плохо ее дело. Если войска уверены в победе — это залог успеха. Тоже и с ораторами.

5) Запоминание главного тезиса (основной мысли) выступления.

В каждом выступлении одна мысль должна быть основной. Ей подчиняется вся речь. Эту мысль, сформулированную в наикратчайшем виде, полезно выучивать наизусть. Когда оратор начинает теряться, — он может повторить главную мысль. Беды от этого не будет, а для оратора это спасательный круг. Особую пользу повторение главного тезиса приносит во время шока (см. выше). Когда нить мыслей утеряна, — стоит оратору повторить основную мысь речи и он, обычно, вспоминает место на котором остановился. То, что мы здесь советуем относительно выучивания главного тезиса, отнюдь, не должно быть понято, как рекомендация выучивания наизусть отдельных кусков речи или целых речей. Выученная речь производит жалкое впечатление, — аудитория сразу инстинктивно чувствует, что здесь зубрежка. и слушает такую речь с глухой враждебностью. Кроме того, оратор — декламатор речи не может ее при произнесении изменить, не может добавить или развить мысли, если даже видит, что аудитория не поняла то или другое место, или с ним не согласна (в ораторской практике многое нужно перестраивать «на ходу»).

И самое главное: выученная речь не спасает от робости; оратор должен мучительно вспоминать, что идет дальше, при этом все время боится забыть или пропустить, что-нибудь важное и, в большинстве случаев, в конце концов, сбивается и комкает речь. И вся огромная работа оратора-попугая идет на смарку.

Кроме выучивания главного тезиса рекомендуется твердо установить, на каком материале (по содержанию и по форме) будет дано вступление в речь и ее концовка. Выучивать их отнюдь не следует, — нужно только знать, о чем будет здесь итти речь.

Вступление нужно наметить, так как волнение обычно особенно сильно в начале речи, пока оратор не разошелся, да и аудитория часто слушает его невнимательно. Нужно давать такое вступление, которое заставило бы аудиторию внимательно слушать оратора и тем самым облегчила его робость

Примером такого вступления может служить начало речи Жореса «О росте социализма» (1893 г. Французская Палата депутатов).

«Знаете ли вы, где находятся вожаки, где находятся подстрекатели? Не ищите их между рабочими, ни между теоретиками, ни между пропагандистами социализма. Нет. Главные вожаки, главные подстрекатели находятся, прежде всего, между самими капиталистами, а также и в правительственном большинстве».

Второй пример — начало речи Володарского «За советскую власть» (10 июня 1918 г. за час до убийства оратора).

«Теперь, когда происходят выборы в совет, на ваши митинги являются различные господа. Они сгущают краски, рисуя тяжесть переживаемого нами продовольственного кризиса и разрухи; играя на голоде, они говорят, что во всем виноваты советы, не будь де советской власти, все было бы хорошо».

Оба эти выступления производят впечатление тщательно обдуманного материала, сразу мобилизующего внимание аудитории.

Подготовка материала концовки необходима потому, что многие ораторы, под влиянием напряженного состояния на трибуне, никак не могут кончить говорить, хотя уже исчерпали весь свой материал и терпение аудитории.

Хорошие концовки необязательно придумывать самому. Их в первую очередь рекомендуется заимствовать у выдающихся ораторов. Это делали не только агитаторы-середняки, но и самые выдающиеся ораторы.

Например, возьмем концовку речи Розы Люксембург «Опасности мировой политики» (Лейпциг, май 1913 г.).

«Мы должны выказать такое же мужество, такую же решимость, такую же непреклонность в осуществлении наших задач, какую выказали буржуазные революционеры и сущность которой резюмировал Дантон, сказав, что при известных положениях лозунгом должны служить только три слова: «смелость, смелость и еще раз смелость»!

Если будет готовая (но не заученная) концовка, — все равно своя или чужая — то бороться со смущением и робостью в конце речи будет легче.

Теперь последний вопрос:

Во время самой речи может случиться целый ряд событий, отрицательно влияющих на устойчивость оратора. Могут

притти новые группы слушателей, может уйти часть из них, аудитория может бросать реплики и т. д. Если в аудитории началось движение — остановитесь и попросите президиум успокоить собрание. Если президиума нет — призовите к порядку слушателей сами. Отвечать на реплики дело очень трудное. Давать ответы нужно только, если есть удачный ответ, иначе вы только зря ввяжетесь в разговор с аудиторией и собьетесь с тона речи. Как правило, начинающий оратор должен избегать ответа на реплики. Этому он научится, когда смущение и робость будут окончательно побеждены.

Победить свой страх — значит быть храбрым. Быть храбрым для оратора — то же что для воина — это залог победы. А агитаторы и пропагандисты партии должны нести победоносность нашей политики.

Скажем же вместе с Безыменским:

«Я учусь,
Неустанно учусь
Укреплять диктатуру победы,—
Большевицкую фракцию чувств».

В. Крепс.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ

Существуют разнообразные речевые формы, которые, не имея самостоятельной смысловой значимости, входят в речь в качестве связующего, цементирующего элемента и образуют техническую основу речевого построения. Формы эти составляют предмет постоянного пользования и подражания у ораторов всех времен, заимствуются одними у других, входят в речевой обиход и передаются по традиции из поколения в поколение. Достаточно сравнить текст речей знаменитых ораторов древности с речами выдающихся ораторов нашей эпохи, чтобы во многих случаях убедиться в этом. Поэтому такие формы мы вправе называть формами технической традиции.

Они образовались в той стадии развития речи, когда отдельные слова и краткие их сочетания уже не удовлетворяли нуждам речевого общения и требовались новые формы речевых построений, составленные из целых комплексов словосочетаний.

Употребляются они в началах фразового или периодического построения, нередко определяя собою всю его структуру, но применяются также в конце, в заключительной части этих построений и посредине, играя связывающую или промежуточную роль между теми словами и сочетаниями слов, которыми определяется смысл фразы.

Вот, например, отрывок из речи Г. В. Плеханова о Белинском, произнесенной весною 1898 г.

«Мы уже знаем, что он, несмотря на свою молодость, инстинктивно чувствовал поверхностность.

недостаточную обоснованность своего отрицания; что он, по собственным его словам, сознавал себя «нулем», несмотря на весь пыл своего «абстрактного» героизма. Тот, чье отрицание основано на твердой конкретной почве, нулем себя чувствовать не будет, хотя бы он и знал, что осуществление его идеала есть вещь очень далекого будущего. Изучение гегелевской философии с ее историческим взглядом на все явления, должно было привести Белинского к ясному сознанию того, что прежде он только чувствовал с болью в сердце: он окончательно убедился в совершенной необоснованности своего отрицания. Как натура страстная и порывистая, он, отрицая свое прежнее отрицание, необходимо должен был дойти до крайности и осудить всякое отрицание вообще. Иначе сказать, он неизбежно должен был из пылкого отрицателя стать не менее пылким охранителем. Это новое настроение должно было поддерживаться в нем воспоминанием о тех нравственных страданиях, которые он пережил в пору своего, как он стал выражаться теперь, абстрактного героизма: инстинкт нравственного самосохранения должен был подсказать ему, что возврат к отрицательной точке зрения непременно означал бы также и возврат к прежним нравственным мукам».

У кого из ораторов или писателей не встречаются такие формы, которые подчеркнуты в приведенном образце? Кто ими не пользовался и не пользуется в настоящее время?

Осознание и усвоение этих форм для пользования в устной речи особенно важно для тех, кто отличается бедностью и однообразием речевых построений и привык к однотипной, однообразной, избитой словесной формулировке. Формы эти весьма разнообразны и многочисленны и нижеприводимые примеры таких форм могут лишь служить показательным материалом для индивидуальных и коллективных упражнений в различных словесных формулировках, построенных на основе этих начальных, срединных и заключительных форм.

При пользовании этими образцами учащийся, сначала в письменной, а потом в устной форме дополняет их самостоятельно подобранным словесным составом в виде распространенного, простого или сложного предложения.

НАЧАЛЬНЫЕ ФОРМЫ:

В настоящее время, когда...
В то время, когда...
Я нахожу, что в данном случае...
В этом отношении...
Совершенно очевидно, что...
Я ни сколько не сомневаюсь...
Будьте уверены, что...
Обыкновенно в таких случаях...
По сложившимся обстоятельствам...
Во всяком случае...
Как бы то ни было...
При всем желании...
Напрасны были все усилия...
Принимая во внимание...
Вся суть вопроса заключается в том...
Нужно иметь мужество признать...
Говоря откровенно, этот факт..
Это невозможно, во-первых, потому...
Все то, что здесь говорится...
Не могу сказать, что я удовлетворен...
Я не разделяю мнения о том, что...
Не смотря на то, что... и т. д.

СРЕДИННЫЕ ФОРМЫ:

...с другой стороны...
...тем не менее...
...но так как...
...по той причине, что...
между нами говоря...
...но, может быть, это...
...на подобие того, как...
...а между тем...
...но несмотря на это...
...ни тот, ни другой...
...как водится...
...привело к тому, что...
...не будучи уверены...
...чтобы из этого вышло...
...как видно из материалов...
...если верить этим слухам...
...если я не ошибаюсь...
...по всей вероятности...
...как оказалось впоследствии...
...по всей справедливости...
...а потому нужно было...
...но, чтобы это было возможно...
...а из этого следовал вывод...
...нисколько не препятствовало тому...

КОНЕЧНЫЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

...поэтому пришлось уступить.
...но этого не могло быть.
...что я был прав.
...но из этого ничего не вышло.
...но мы этого не допустим.
...но на это трудно было возражать.
...но что было делать?
...об этом нечего и думать.
...и все было кончено.
...но я этого не понимаю.
...и согласиться с этим никак нельзя.
...и все стало ясно.
...что терпение, наконец, лопнуло.
...и в конце концов, разразилась катастрофа.
...окончилось ничем.
...не согласиться с этим невозможно.
...нельзя ни под каким видом.
...и так далее до бесконечности.
.. но при чем здесь мы?
...оставить без последствий.
...не пришли ни к какому соглашению.
...и это не лишено основательности.
...как совершившийся факт.

Заключительным к этой работе видом упражнений может служить заполнение словами фразовых текстов, которые можно назвать «словесными шифрами».

Работа над ними имеет целью развить способность к словесно-смысловому комбинированию фразовых построений при наличии в задании начальных, срединных и конечных форм. Такая работа на первых порах рекомендуется к письменному выполнению, и лишь после нескольких упражнений возможно перейти к устным построениям, изобразив задаваемый шифр на особой таблице или доске.

ПРИМЕРЫ СЛОВЕСНЫХ ШИФРОВ ДЛЯ ЗАПОЛНЕНИЯ.

1. Мы надеемся, что
тем не менее . . . . .
. . . . . ничего не вышло.
2. Сейчас невозможно . . . . .
нельзя уступить . . . . . .
. . . . . лишено основания.
3. От этого обстоятельства . . . . . .
. пришлось пожалеть . . . . . .
нашего участия.

4. Против всякого ожидания . . . . . оказалось необходимым . . . . . окончательно и бесповоротно.
5. Мне кажется, что . . . . . ожидания не оправдались . . . . . дали печальные результаты.
6. Вскоре будет известно . . . . . общее негодование . . . . . не предвидится.
7. Сначала необходимо . . . . . об этом позаботиться . . . . . очень и очень трудно.
8. Политика партии . . . . . дальнейшие уступки . . . . . положить конец.
9. Весьма прискорбно, это очень важно . . . . . можно только порадоваться.
10. Можно допустить, что . . . . . но такая точка зрения . . . . . неопровержимый факт.
11. Будем надеяться . . . . . в особенности тогда . . . . . положительные результаты.
12. Действуя так . . . . . увенчается успехом . . . . . надежды не оправдались.

В процессе коллективных упражнений возможно усложнение этой работы тем, что одному дается заполнение первого пробела в построении, другому—второго, при чем срединные формы могут быть две или три, что вызовет необходимость участия трех, четырех учащихся в одном, требующем общего смыслового единства построения.

При этом обращается внимание учащихся на то, что те умственные процессы, с которыми связана указанная работа, определяют степень их комбинаторных (словесно и мысленно-сочетательных и построительных) способностей, и что подобная же работа может быть выполняема ими самостоятельно при чтении образцового литературного материала, с помощью трех приемов: а) угадывание последующих слов в любой фразе, б) угадывание окончаний предложений по их началу, в) угадывание содержания и смысла последующих предложений.

Упражняясь в этом более или менее систематически и исправляя свою сочетательную и построительную мысленную

работу при неизбежных в этой работе ошибках, учащиеся постепенно все более и более усваивают навыки грамматического и логического комбинирования слов и словосочетаний.

Наряду с вышеуказанными формами технической традиции, в ораторской речи наличествуют такие же формы, но имеющие самостоятельное смысловое значение.

Достаточно привести несколько примеров употребления в ораторской речи пословиц, поговорок, изречений, цитат и лозунгов, чтобы значение этих форм стало совершенно очевидным. Приведем несколько примеров:

— Смотри, кума, чтобы не осрамиться: недаром говорится, что «дело мастера боится» (Крылов. «Щука и кот»). Совет ораторам: «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой» (Грибоедов. «Горе от ума»). Это, так сказать, «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» (Пушкин. «Руслан и Людмила»).

Для учащихся полезным упражнением является опыт кратких речевых построений, в которых эти формы должны выполнять роль начальной, срединной и заключительной части построения.

П. Лупул.

ГРУППОВАЯ АГИТАЦИОННАЯ БЕСЕДА.

В системе нашей массовой агитационной работы беседа занимает одно из основных мест. Можно сказать, что эта форма преобладает сейчас над такими общепризнанными формами массовой работы, как лекция и доклад. Просмотрите календарь любого фабрично-заводского культсектора и вы в этом легко убедитесь. Причины усиления роли беседы коренятся в изменившихся условиях нашей массовой работы. Огромный культурно-политический рост масс, развившаяся вокруг основных вопросов генеральной линии партии творческая инициатива рабочих требуют коренной перестройки форм и методов нашей агитации под углом зрения их максимальной активизации.

Требованию активизации, в значительной степени, отвечает беседа. В докладе (или лекции) роль аудитории, в большей или меньшей степени, пассивна в речевом отношении, так как освещение вопроса возложено, главным образом, на докладчика. В беседе же, представляющей собой развернутый диалог, аудитории предоставляется широкая возможность проявить свою активность в самом процессе рассмотрения (обсуждения) вопроса, являющегося предметом беседы.

Кроме того, беседа дает возможность «втянуть в работу» значительные слои рабочих, которые робеют в условиях массового собрания.

Если, к тому же, учесть неблагоприятные, подчас, технические условия работы (невозможность тут же записать возникшую мысль или вопрос), то преимущества беседы перед докладом станут очевидными.

Между тем, в литературе для агитаторов техника беседы почти не освещена. Этой статьей мы пытаемся несколько восполнить пробел, использовав личные наблюдения над рабочими-агитаторами и некоторые материалы по агитбеседе, развитые В. М. Крепсом, под руководством которого автор работал.

Проведение беседы связано с целым рядом трудностей, так как к обычным спутникам низового агитатора (робость, смущение, неумение располагать материал) здесь прибавляются еще некоторые. Едва ли не основным затруднением для беседчика является (часто бессознательное) стремление аудитории к отвлечениям в сторону от основной темы. Аудитория стремится перевести разговор на тему, ей в данный момент субъективно интересную, а не объективно полезную. Принцип «у кого что болит, тот о том и говорит» проявляется здесь в крайней степени. Это замечание правильно не только в отношении, скажем, крестьянской аудитории, которая наиболее характерна в данном случае, но в значительной степени применимо к любой аудитории.

С методической точки зрения тенденция аудитории к отвлечениям представляет собой серьезную опасность для беседчика, потому что сохранить стержень беседы трудно, а нарушить его очень легко. Практика показывает, что большинство низовых агитаторов-беседчиков действует в таких случаях неправильно. Одни «рубят с плеча». Они просто отводят тот или иной вопрос, иногда в весьма резкой форме. Такой выход из положения не всегда приемлем. Во-первых, можно заглушить активность аудитории и, во-вторых, создать определенное недовольство беседчиком, так как часто бывают случаи, когда некоторое отвлечение аудитории вполне законно.

Другие товарищи идут «по линии наименьшего сопротивления», «растекаясь мыслью по древу». С точки зрения методики беседы это «хвостизм», так как нет никакой гарантии, что беседчик когда нибудь возвратится в лоно своей темы. Наоборот, есть основание полагать, что он очень скоро окажется на поводу у аудитории. Чтобы методически правильно провести беседу, каждый беседчик должен прежде всего запомнить, что при пользовании этой формой агитации более, чем во всех других случаях (доклад, лекция и т. д.), обяза-

тельно внедрение местных материалов. Лозунг конкретизации агитработы, данный еще XIII съездом ВКП(б) должен найти свое наиболее полное осуществление именно в беседе. Причем под использованием местных материалов следует понимать не только привнесение в беседу фактов из жизни данного предприятия в целях «увязки» с основной темой, но и широкий учет преобладающих настроений и интересов аудитории. Отсюда вывод, что беседчик больше, чем какой либо другой массовик, должен знать свою аудиторию.

Беседчик, изучивший свою аудиторию, сможет заранее предусмотреть (в основном) в какую сторону (в сторону какого вопроса) аудитория «захочет» отвлечься. Целый ряд смежных с основной темой вопросов, субъективно интересующих данную аудиторию, он сможет поставить с а м, подготовив правильный, исчерпывающий ответ, а главное, заготовив заранее сваи для мостика между «боковыми» вопросами и центральными. Установив заранее вехи и отметив мели, он сможет быстрее и увереннее итти по фарватеру. Методически правильно поступил беседчик, который, проводя в аудитории сезонников беседу о Китае, с а м поставил вопрос о положении крестьян в Китае и в СССР, з а р а н е е п о д г о т о в и в с р а в н и т е л ь н ы й м а т е р и а л.

Рассматриваемый вопрос теснейшим образом связан с выбором темы беседы. Беседа требует значительно большего времени для проработки какой либо темы, чем, скажем, доклад. Поэтому крайне нецелесообразно проводить методом беседы разъяснение объемистых тем. Разве можно в условиях обеденного перерыва изложить методом беседы такую широкую тему, как «итоги пленума ЦК?» А ведь такие случаи бывают. Не лучше ли разбить тему на несколько частей, создав, тем самым, для беседчика значительно более благоприятные условия работы и обеспечив большую эффективность.

Разумеется, перегиб недопустим. Увлечение местными вопросами и узко-практическими задачами так же вредно, как и разговор «вообще» [1]). Нужно научиться связывать большие вопросы с практическими задачами рабочего класса, вообще,

[1]) См. резолюцию XIII съезда ВКП(б) об агитации.

и данной его группы, в частности, и, с другой стороны, нужно уметь «за каждой мелочью революцию мировую найти».

Беседчик обязан дать правильную общеполитическую установку в любом вопросе. Лучше всего воспользоваться для этой цели вступлением, как составной частью беседы. Отсюда великое значение вступительного слова руководителя беседы (беседчика). От качества вступления во многом зависит также активность аудитории, ее интерес к вопросу. Поэтому руководитель беседы должен серьезно продумать свое вступительное слово, не останавливаясь в отдельных случаях, перед тем, чтобы его конспективно изложить на бумаге.

Видов вступления несколько. Назовем важнейшие:

1. Обозначение темы. Использование этого вида даст возможность точно обозначить круг вопросов, подлежащих рассмотрению и сделать ясной для аудитории цель беседы.

Пример: «Сегодняшняя наша беседа будет посвящена вопросу о том, почему активный и сознательный рабочий должен вступить в партию. Мы должны выяснить какова роль партии в борьбе за победу нашего дела и в нашем строительстве, мы выясним, какое значение придавал партии Ленин, поговорим об обязанностях члена партии. Именно эти вопросы возникают в связи с темой нашей беседы».

2. Указание на важность вопроса. Такое вступление способствует мобилизации внимания аудитории, а главное, предоставляет возможность дать принципиальную политическую установку в вопросе.

Пример: «Т. т., вопрос, который мы сегодня будем разбирать, имеет огромное значение. В самом деле, ведь от активности рабочих в чистке аппарата зависят результаты чистки. Мы сегодня проведем беседу о том, как рабочему нужно действовать во время чистки аппарата, как ему лучше помочь в этом деле».

3. Иллюстративное начало. Этот вид предполагает приведение нескольких фактов из области разбираемого вопроса в целях возбуждения внимания аудитории и выяснения целевой установки беседы.

Пример: «В одном из округов Украины патер Граф вел агитацию против Советской власти и довел до развала машинное товарищество. Попы ведут борьбу с колхозами. Давайте разберем, почему же представители религии идут против нас, почему религия тормозит соцстроительство?».

4. Указание на поручение. В целях выяснения важности вопроса и укрепления авторитета беседчика можно сослаться на организацию, по поручению которой проводится беседа.

Пример: «Районный Совет ОСОавиахима поручил мне, товарищи, побеседовать с вами об очередных задачах нашего общества и каждого рабочего в деле укрепления обороноспособности нашей страны».

5. Историческая справка. Пользуясь этим видом, беседчик сможет рассказать историю возникновения вопроса, выяснить его место в ряду других вопросов (связь с другими вопросами) и, таким образом, ввести аудиторию в «курс дела».

Пример: «Еще несколько месяцев назад мы беседовали о том, что закон о соц. страховании нуждается в изменениях. Мнение рабочих было учтено и положено в основу нового закона. Сегодня мы должны поговорить о том, как этот закон проводится в жизнь и каковы его результаты».

Разумеется, что в ряде случаев возможно (и даже необходимо) комбинирование двух или трех видов вступления. Так, легко соединяются в одной вступительной речи «обозначение темы» и «указание на важность вопроса». Следует только запомнить, что вступление должно быть кратким, ясным, а главное, должно быть построено так, чтобы аудитория получила материал для вопросов и высказываний. Вступление должно стать отправной точкой всей беседы. Оно должно «развязать языки» слушателей. Но часто мы сталкиваемся с неуменьем беседчиков регулировать активность аудитории. В любой аудитории найдутся более развитые и слабо развитые товарищи. Одни бойко, уверенно отвечают на вопросы, высказываются, сами ставят ряд вопросов, другие «красноречиво молчат». Бывают случаи, когда из 15—20 слушателей фактически участвуют в беседе трое-четверо, остальные же пассивны. Поэтому

беседчик должен уметь регулировать активность своей аудитории, втягивать в беседу всех и,—как обязательный минимум,— большинство присутствующих. В этих целях рекомендуется задавать вопросы не только всей аудитории, в целом, но и персонально, отдельным слушателям. Усиливая, таким образом, внимание малоактивным, можно добиться их вовлечения в беседу.

Активность аудитории в значительной степени зависит также от уменья руководителя формулировать (ставить) вопросы. Искусство задавать вопросы многими нашими беседчиками не постигнуто. Между тем, в вопросе-ответе—центр беседы. «Спроси меня умно—и я так же тебе отвечу». Многие беседчики, не знающие даже элементов методики беседы, часто прибегают к так называемым глухим вопросам. Глухой вопрос — это такой, в ответ на который можно сказать все, что угодно или ничего нельзя сказать. Что бы вы, например, ответили на такой вопрос: «Каковы правые уклонисты?» или: «С кем идут рабочие?». Строго говоря, можно отнести к глухим и такие вопросы, как: «Что вы знаете о международном положении?» или: «Каковы задачи партии?». Вопросы эти поставлены настолько широко, что участник беседы не сможет на них ответить. Беседчик должен стремиться поставить вопрос в понятной и конкретной форме.

Прежде всего, следует различать простые и сложные вопросы. Формулировать простой вопрос следует так, чтобы ответ на него мог быть дан ясный и краткий. Например: «В каком году происходила XVI партконференция?», «На сколько процентов выросла продукция нашего предприятия за истекший год?», «В чем основная причина наших хозяйственных затруднений?» и т. д. Сложный вопрос формулируется так, что слушатель вынужден в ответ на него произнести связную речь (от 1/2 до 1 1/2 минут). Например: «Какие обстоятельства способствовали перевыполнению планов первого года пятилетки?», «Как можно доказать неизбежность войны?», «Почему неправильна точка зрения правых уклонистов в вопросе о темпах индустриализации?» «Каковы пути построения социализма в нашей стране?» Несомненно, что к сложным вопросам относятся и такие, которые способствуют выявлению личных мнений или знаний слушателей по той или иной части темы. Примеры: 1) «Как вы думаете, в чем недостатки

нашего производства?», 2) «Как бы вы, товарищ, предложили бороться с бюрократизмом?» Сложные вопросы должны занять в беседе почетное место. Они развертывают активность аудитории, дают выход рабочей инициативе, помогают учету настроений и интересов масс. Рабочий часто не в состоянии дать точный «шлифованный» ответ на вопрос, именуемый нами простым. В таком случае простой вопрос должен уступить место сложному. Некоторая трудность в пользовании сложными вопросами состоит в том, что иногда слушатель отвечает на вопрос в течение большого количества минут (от 3-х до 5-ти) и притом весьма невразумительно, а ведь в беседе время очень дорого. Но эта трудность не принадлежит к числу серьезных, так как она может быть парализована или указанием на необходимость высказываться кратко, или быстрой заменой сложного вопроса простым. Так что это обстоятельство лишь подтверждает мысль о том, что беседчик должен быть внимательным и гибким (чутким).

Слабая активность аудитории часто объясняется ее ограниченным знакомством с разбираемым вопросом. Поэтому беседчик должен суметь так ставить вопросы, чтобы вызвать у адитории те или иные ассоциации, он должен отталкиваться от знакомого аудитории материала. В некоторой степени могут помочь сложные вопросы, предоставляющие аудитории возможность выявить свои знания или мнения. Когда же этого мало, беседчик может воспользоваться наводящими вопросами. К наводящим — относятся вопросы вспомогательного характера, задаваемые в дополнение к простым или сложным, и ставящие тему со стороны более знакомой аудитории.

Допустим, что беседчик поставил простой вопрос: «В каком году был введен НЭП?» Аудитория не в состоянии ответить. Тогда можно «принять на вооружение» наводящие вопросы. Например: «Может быть, теперь скажете: ведь в том-же году происходил Кронштадтский мятеж?» Если и это не помогает, можно спросить: «Может быть сообразите, если напомню, что в том же году голодало Поволжье?»

Для большей ясности приведем еще пример:

Прямой вопрос (это общее название для простого и сложного вопросов): «В чем заключается основная задача внутриколхозного строительства?

е вопросы: 1) «Как обстоит дело с организацией
Наводящие 2) «Какой опыт организации труда на
труда в колхозах перенести в колхозы?»
предприятиях нужно м культурно-политическим уровнем
В аудитории с низк темы рекомендуется использовать
или при разборе трудной ос-подсказка в самой своей
вопрос-подсказку. Вопр Чапример: «Должны ли мы
формулировке содержит ответ. за расширение посевных
бороться в предстоящую кампанию связи с хлебозаготов-
площадей?» или: «Нужно ли посылать ь увлекаться такими
ками рабочие бригады в деревню?» Но ся, чтобы ауди-
вопросами не следует, так как важно добить
тория сама «шевелила мозгами». гибким и

Мы уже указывали, что беседчик должен быть и каче-
изобретательным. Но следует твердо запомнить, что ш тель
ства в решающей степени зависят от того, как руковод и
подготовился к проведению беседы. В этом С орнике в
низовой агитатор найдет целый ряд указаний п о вопросам
техники чтения, планирования материалов. Поэтому мы огра-
ничимся освещением специфических вопросов, с вязанных
с подготовкой к беседе.

Центральным моментом подготовки является состав ление плана беседы. Видов плана три: пунктация, вопросник и простые тезисы. Из этих трех способов при подготовке к бес еде наиболее приемлем для низового агитатора план-вопросн к (по вполне понятным причинам). Вспомогательные во просы, т.-е. те, которые задаются аудитории попутно, при выясне- нии той или иной части темы, как правило, в план не вносятся. Исключаются из плана наводящие вопросы, «подсказки». В плане должно быть отведено место для так называемых узловых вопросов. Узловыми называются вопросы, формулирующие основные мысли беседы (в переводе на язык доклада-тезисы). Так вопрос «Зачем нам нужны быстрые темпы индустриализации?» — узловой и должен быть помещен в план, а вопрос «Какие капитальные вложения в Ленинградскую промышленность предусмотрены планом на 1931 год?» является вспомогательным и в план обычно не включается. Но беседчик должен располагать рядом фактических и числовых данных. Поэтому план беседы должен включить и основной справочный материал.

Приведем пример плана беседы:

Тема: «Как капитализм готовится к войне?»

ПЛАН БЕСЕДЫ.

ВОПРОСНИК	СПРАВОЧНИК
1. Какие данные могут показать подготовку к войне?	1. а) Рост военных бюджетов; б) Рост вооруженных с в) Соответствующая подготовка масс.
2. Каковы военные бюджеты важнейших капиталистических стран?	2) а) Англия-на 30 г.—2 млрд. руб. больше, чем в 13 г. на 36%; б) Франция-в 30 г.—12 млрд. фр. против 9 млрд. в 29 г.; в) Еще более резкое увеличение—Польша, Румыния и др. страны.
3. Как растут вооруженные силы капиталистических стран?	а) В сухопутных армиях было в 1925 г.—2.652 тыс. чел., а в 1929 г.—2.680 тыс. (по офиц. данным); б) За пять лет число военных самолетов увеличилось: Англия — 385 1.308. САСШ — 320 1.220. Италия — 250 . . . 850. В сопредельных с СССР странах 450 900.

и так далее.

Выяснение каждого узлового вопроса потребует в процессе беседы нескольких (а может быть и многих) вспомогательных вопросов. Беседчику рекомендуется заготовить к узловым вопросам по 2—3 вспомогательных, чтобы иметь возможность развернуть беседу. Малоопытным товарищам следует пометить

эти вспомогательные вопросы в плане, воспользовавшись исключением из общего правила, по которому план беседы должен состоять только из узловых вопросов. Для удобства рекомендуется уже составленный план переписать на отдельных листках бумаги (каждый листок $^1/_8$ писч. листа) с тем, чтобы на один узловой вопрос и справочник к нему приходился один листок. Небесполезно будет указать два элементарных технических правила: а) листок обязательно нумеровать (в правом верхнем углу) и б) чтоб суметь бегло читать план, следует писать его крупно и цветными карандашами (узловые вопросы—красным, справочный материал—синим и вспомогательные вопросы — если они включаются, — черным).

Большинство беседчиков встречает трудности в деле логического построения беседы. Даже те, которые имеют солидный опыт массовой агитационной работы, часто совсем не умеют располагать материал логически правильно и убедительно. Из возможных фигур логического рассуждения в беседе наиболее приемлема индукция, т.-е. такое расположение материала, при котором изучение вопроса ведется от отдельных фактов к общим выводам (от частного к общему). Преимущества беседы в том и заключаются, что аудитория сама может делать те или иные выводы. Естественно, что материал беседы должен быть расположен так, чтобы не отнимать у слушателей этой возможности. Средняя рабочая аудитория бедна знанием фактов, а что касается выводов, то их она делает уверенно и правильно. Разумеется, это не исключает необходимости для руководителя беседы произнести заключительное слово. Наоборот, значение заключительного слова огромно. В нем беседчик должен подвести итог всему изложенному материалу, а главное, обязан наметить практические предложения, вытекающие из целевой установки беседы. Следует оговориться, что под практическими предложениями нужно понимать не только какое нибудь узко конкретное действие аудитории, долженствующее последовать в результате беседы (например, запись в ОСОавиахим, увеличение кооперативного пая и т. п.), но и такие предложения общего характера, как, например, «внимание вопросу!» (тема о положении в Индии) или «прочитайте такую-то литературу». План заключительного слова можно представить так:

1. Формулировка основной мысли беседы: (Стержневой тезис).

Пример: «Капитализм усиленно готовится к войне. При помощи социал-фашистов он обманывает массы, наступает на революционные организации пролетариата, увеличивает военные расходы, расширяет вооруженные силы, готовит новую бойню. Нам нужно помнить, что где бы война ни началась, она своим острием будет направлена против СССР. Будем готовы».

2. Формулировка основных выводов из беседы (подчиненные тезисы — узловые вопросы).

Пример: «Наши задачи в борьбе с войной и в деле укрепления обороноспособности страны: а) укрепление Красной армии, б) усиление работы ОСОавиахима, в) разоблачение империалистской политики капиталистов, г) неуклонное проведение политики мира, д) реализация лозунга «догнать и перегнать...»

3. Практические задачи:

Пример: «Чтобы эти задачи решить, нужно: а) усилить шефскую работу, б) энергично бороться за выполнение промфинпланов».

4. Конкретные предложения.

Пример: «а) всем вступить в ударные бригады, б) на предстоящее собрание ОСОавиахима, где будет переизбрано бюро, явиться всем и принимать активное участие как в перевыборах, так и в выработке плана работ, в) всем записаться в какой либо военный кружок» и т. д.

Заключительное слово может быть и концовкой беседы, ее «последним аккордом». Но в ряде случаев (когда нужно подстегнуть, усилить впечатление) бывает необходимо приделать «заключение к заключению». Такая концовка состоит обычно из одной или нескольких фраз, в яркой форме подводящих итог всему делу. Назовем основные виды концовок:

1. Концовка-выводы.

Пример: «Итак, будем помнить основной вывод из нашей беседы: каждый рабочий, состоящий ударником, политически грамотный и активный, должен вступить в ряды ленинской партии».

2. Концовка-лозунг.

Лозунг—это сжатая и броская формулировка важной (основной) мысли (лозунг класса, партии, организации). Видов лозунгов несколько:

а) Восклицание — «Да здравствует социалистическая деревня!». «Долой кулака!».

б) Призыв — «Вступайте в ОСОавиахим!».

в) Вопрос — «Вступил ли ты уже в ударную бригаду?»

г) Утверждение — «Каждый трудящийся должен быть членом МОПР'а».

д) Повеление — «Вступи в ряды общества смычки».

Не следует забывать, что лозунг по самой своей природе требует соответственного произнесения.

3. Концовка-образ.

Образным называется материал, вызывающий у аудитории те или иные представления, картины. Образный материал заставляет аудиторию не только соображать, но и воображать. Образ может иметь место не только в концовке, но и «внутри» беседы, однако, увлекаться им не следует, памятуя, что это вспомогательный материал.

Заключительное слово, так же, как и вступление к беседе, надо заранее хорошо продумать, а малоопытным товарищам—конспективно изложить в письменном виде.

Роль беседчика в нашей массовой работе огромна. Поэтому он обязан повышать свой идейный уровень, быть передовиком на производстве, соединять агитацию словом с агитацией делом.

А. Соломоник.

ОРАТОРСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

В настоящей статье мы коснемся вопроса орнаментации (украшения) ораторской речи путем введения в нее, заранее подготовленного для этого, литературного материала.

«Чтение цитат,—говорит А. Петров в своей книге,—«Лектор и аудитория»,—«не только не понижает восприимчивость аудитории, а наоборот, поднимает ее, оживляет и способствует освежению психологической атмосферы». Между тем, наш рядовой агитатор в большинстве случаев почему-то игнорирует прием цитирования и подачи иллюстративного материала, хотя речи выдающихся и просто популярных ораторов говорят нам, что подобное внедрение литературного материала — явление широко распространенное в ораторской практике.

Чтобы проиллюстрировать это положение, мы приведем ряд примеров из ораторской практики, как наших дней, так и более или менее отдаленного прошлого.

В заключительном слове по политотчету ЦК на XVI партсъезде т. Сталин сказал:

..Они (бывшие лидеры правой оппозиции) болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, человек в футляре. Помните чеховский рассказ «Человек в футляре»? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с зонтиком и в жаркую, и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам калоши и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?» — спрашивали Беликова. «На всякий

случай,—отвечал Беликов,—как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда?» (Общий смех. Аплодисменты). Он боялся как чумы всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую—у Беликова уже тревога: «Оно, конечно, может быть и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло». Организовали драматический кружок, открыли читальню,—Беликов опять в тревоге: «драматический кружок, новая читальня,—для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло? (Общий смех). То же самое надо сказать о бывших лидерах правой оппозиции».

В. И. Ленин, в минуту наибольшего обострения борьбы любил повторять слова поэта: «Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья...»

Плеханов часто иллюстрировал свои речи стихотворным материалом. Он же оставил образец иллюстративного материала, сделавшегося общеизвестным. В его речи на Всероссийском государственном совещании в августе 1917 года мы находим такое место: «Позвольте напомнить вам одну ирландскую легенду о двух кошках, которые дрались так упорно и так жестоко, что от них остались только хвосты».

Речь Зорина, записанная на граммофонной пластинке, в Центропечати в 1919 г., показывает нам, как использует оратор введение в речь анекдота-легенды для развертывания на основе ее грандиозного образа («наш революционный локомотив»).

Луначарский в своей речи на пленуме Моссовета 31 мая 1929 г. по случаю юбилея Горького сказал:

«Мы запряжем А. М. в нашу работу, но сделаем это осторожно. Когда Гарибальди взял Неаполь, и после битвы, раненый, усталый, лег заснуть, то неаполитанцы ходили по городу и говорили: «Тише, вождь спит». До этого мы конечно, не дойдем. (Смех). Но все-таки, товарищи, тсс. тсс! Не слишком перегружайте его, а то ведь вы море: захотите покачать, да так качнете, едва душа выдержит. Народлев, — погладит лапой, да что-нибудь сорвет нужное у человека». (Смех).

Маркс в речи использовал исторический образ, развив его в картину:

«Я знаю героическую борьбу рабочих, начатую еще в середине прошлого столетия, борьбу, не окруженную ореолом славы, ибо буржуазные историки оставили ее в тени и замолчали. В средние века в Германии существовало, в отмщение за злодеяния правящих классов, тайное судилище. Если на каком-нибудь доме появлялся красный знак, то знали уже, что хозяин его—вне закона. Теперь на всех домах Европы начертен таинственный красный знак. Сама история руководит судом, а исполнителем приговора будет пролетариат».

Примеры, подтверждающие мысль, что большинство ораторов пользуется посторонним материалом в своих речах, можно умножить, обратившись к изучению текстов речей деятелей публичной речи.

Мы остановимся на двух моментах иллюстрирования речи: на технике подготовки материалов к произнесению и на технике подачи этого материала.

Различаются два вида внесения в речь литературного материала: текстуальное и свободное.

Текстуально вносятся в речь небольшие цитаты, островки, яркость стиля которых может пострадать от свободного их изложения, стихотворный материал, начала и концовки речей (хотя бы они были не заимствованы, а составлены самим говорящим).

Свободно передаются прочие виды иллюстративных материалов, как-то: сравнительно большие цитаты, или цитаты настолько известные аудитории, что требуется лишь напомнить вкратце их содержание, анекдоты и легенды, отрывки из литературных произведений, написанных в прозе, и наконец, отрывки из ораторских речей.

В качестве примера можно привести следующее место из речи-доклада М. М. Литвинова на II сессии ЦИК V созыва:

«Совершенная вздорность, несерьезность и необоснованность направленных против Советского Правительства обвинений в пропаганде — очевидны. Я не могу в связи с этим отказать себе в удовольствии процитировать вам замечания, сделанные 5 ноября с. г. в английском парламенте при обсуждении вопроса о пропаганде, г. Ллойд-Джорджем, которого никто, конечно, не заподозрит в дружественном пристрастии к нашему Союзу. Вот, что он говорил: «что касается пропа-

ганды на Востоке, то я должен сказать, что я состою членом палаты дольше, чем вождь оппозиции (т. е. Болдуин). Я могу рассказать ему, что мы привыкли всегда слышать относительно пропаганды империалистической России на Востоке. Я отлично помню, как русские постоянно обвинялись, — и, по моему мнению, справедливо обвинялись,—в пропаганде в Индии и в замыслах против Индии... Я помню речь, произнесенную отцом последнего министра иностранных дел (т. е. Чемберлена), который говоря о русском министре иностранных дел. сказал, что нельзя верить ни одному его слову, и что тот, кто ужинает с чортом, должен иметь длинную ложку. Но никто и не помышлял, и меньше всего г. Джозеф Чемберлен, о разрыве отношений с Россией, об изгнании ее посла, а если кто-либо это предложил бы в парламенте, то к нему отнеслись бы, как к сумасшедшему»...

При текстуальном произнесении материала в виде ли цитаты из произведения какого-нибудь исторического деятеля и партийного вождя, в виде ли отдельных мест из документов, имеющих историческое значение (приказы, декреты, воззвания). в виде ли, наконец, вставки в речь абзаца газетной статьи, или эмоционального отрывка ораторской речи,—мы *сталкиваемся* с необходимостью подать этот материал в форме отвечающей требованиям, которые предъявляют нам законы литературной, грамотной, живой речи.

Что должен знать оратор, прибегающий к произнесению чужого литературного материала? Поговорим о подготовительной работе над материалом, работе, предшествующей его произнесению.

Зачитывая или произнося наизусть какой угодно текст, мы обязаны в первую голову создать перед слушателями то, что принято называть логической перспективой. Под этим подразумевается выделение в процессе речи логического смысла читаемого. путем фиксации внимания слушателя не на всех словах. составляющих текст, а только на некоторых, несущих на себе основной смысл предназначенного к чтению отрывка,—на тех, которые составляют его логический скелет, облеченный мясом фразового построения.

Выделение голосом таких слов—*логических центров*—осуществляется. грубо говоря, повышением или понижением

тона голоса, усилением или ослаблением силы звучания и отчасти изменениями темпа, т. е. скорости произнесения.

Кроме того, для выполнения требований логической перспективы крайне существенны паузы между отдельными речевыми звеньями- группами слов. Паузы в речи отделяют главные речевые звенья от вспомогательных, дополняющих или развивающих первые. Более того, при помощи пауз мы устанавливаем границы самого речевого звена, называемого обычно речевым тактом (речтактом). Мы определяем речевой такт как: группу слов, объединенных одним логическим смыслом. произносимую на одном дыхании и ограниченную с обеих сторон паузами. При этом мы понимаем выражение «объединенных одним логическим смыслом» как требование, чтобы данная группа слов выражала хотя бы одно логическое понятие, (значит, не обязательно, чтобы в речтакте мы нашли целое логическое суждение). Отсюда вытекает и простое правило: каждый речевой такт имеет один логический центр.

Дадим следующие упрощенные правила отыскания логических центров и постановки пауз, условившись, что во всех приводимых примерах пауза обозначается знаком вертикальной черты, а слово, представляющее собой логический центр—выделено курсивом.

Выделению подлежат:

1. Подлежащее и сказуемое, если оба они представляют логическую ценность, т. е. если смысл одного из них не оттесняет другого, благодаря хотя бы обычности их связи, ослабляя тем его значимость.

Например,... Эта *некультурность* | *принижает* советскую власть.

Вместе с тем, во фразе: «*дождь* идет» понятие подлежащего оттесняет понятие сказуемого, упраздняя надобность в его выделении.

2. Последние слова из группы слов, составляющих распространенную форму подлежащего или сказуемого (само грамматическое подлежащее или сказуемое тогда уже не выделяется).

Например,... Подлые слуги *капитала* | развили уже бешеную *травлю*.

По отношению к подлежащему, это правило совпадает со следующим более общим правилом:

3. Существительное в родительном падеже, являющееся дополнением, подлежит выделению.

Например,... Повышение производительности *труда*. Он *был* | рабочим от *станка*.

4. Однородные члены предложения.

Например,... Что требует *громадного* | *длительного* труда.

Теперь сообщим необходимые правила, которые указывают, наоборот, что в речтакте не подлежит выделению. Мы приводим их, зная на опыте, что ошибки в этом направлении чрезвычайно часты. Итак,

Не выделяются:

1. Местоименное существительное: я, ты, он, мы, вы, они.

Например,... Я *видел*. Они *говорят*.

2. Понятие, только что встречавшееся в предыдущей или даже в разбираемой фразе.

Возьмем, например, две фразы, идущие одна за другой:

И вовсе *не потому*, | чтобы этому мешали *законы*. *Наши* законы, | наоборот, | этому *помогают*.

Во второй фразе слово «законы» не выделяется, как только что упоминавшееся.

3. Прилагательные - определения, особенно, если они употреблены в значении привычных эпитетов.

Например,... Гнусная *ложь*. Белый *террор*. Красная *армия*.

Нельзя сказать относительно всех помещенных до сих пор правил, что они являются всегда действующими. Надо предостеречь работающего над материалом, чтобы он знал, что случаев соблюдения этих правил столько же, сколько случаев отклонения от них. Тем не менее, для дисциплинированности мышления в работе, чтобы наметить пути, идя по которым не рискуешь впасть в ряд грубых ошибок,—правила эти служат свою службу. Вместе с тем не трудно систематизировать главнейшие случаи отклонения от вышеприведенных правил.

Именно поэтому, мы теперь дадим особую группу правил, которые указывают на подлежащие выделению, в качестве логических центров, слова, и имеют свое основание в специфических стилевых приемах. Можно посоветовать, приступая к логическому разбору, сначала попробовать применять именно эти правила, так как они покрывают собой предыдущие и отменяют их действия. Эти правила следующие:

1. Инверсированная конструкция, т. е. нарушение обычного порядка слов, вызывает перераспределение местонахождения логических центров.

Например,... Человек *честный* | *не сделает* этого.

2. Антитеза, как стилистический прием (противопоставление или сопоставление понятий) требуют, чтобы слова осуществляющие этот прием были логическими центрами. Например:

Раб | борется с *господином*, | *труд* | борется с *капиталом*.

3. Скрытая антитеза или так называемые слова-контратермины, т. е. такие, которым можно было бы по смыслу текста противопоставить слова с противоположным значением. Определить контратермин помогает попытка продолжить своими словами речевое звено, в котором он предположительно заключен, начав с частиц: «а»—«а не»—«как и»—«но и»—«или не».

Например,... И вовсе *не потому* | (*а почему?* — вот могущие быть противопоставленными слова).

Разметка текста, производимая на основе указаний, даваемых всеми этими правилами, неразрывно связана с другой стороной работы—расстановкой пауз.

В процессе работы над текстом мы допускаем сначала предварительную разбивку на речевые звенья, руководясь при постановке пауз сначала знаками препинания. Затем, при отыскании логических центров мы вносим коррективы, следя за тем, чтобы в каждом речевом такте был один логический центр; в случае надобности разбиваем паузой речевое звено на два, при чем отнюдь не фетишизируем грамматических знаков препинания. В иных, правда, очень редких случаях, мы в речи не делаем паузы там, где стоит запятая.

Наиболее просто можно так сформулировать правила, говорящие о постановке пауз там, где это не указано грамматическими знаками.

1. Сфера подлежащего отделяется паузой от сферы сказуемого, при условии их обоюдной логической ценности.

2. Паузами выделяются слова подвергшиеся инверсии, т. е. вызывающие нарушение обычного порядка слов.

Например.... *Народом* | *некультурным* | победить *нельзя*. (Ленин).

3. Паузы ставятся перед соединительными и разделительными союзами: «и»—«да»—«или»—«либо»—«то»—«ни»... и так далее.

Кроме обычно встречаемых в речи пауз, имеющих значение для создания логической перспективы, о которой мы выше говорили, в ораторской речи вообще, а в вводимых в нее отрывках литературных произведений в частности, встречаются паузы, смысл которых—вызвать напряженное внимание аудитории, создать эмоциональное сгущение, разрешающееся, после в меру выдержанной такой «экстра-паузы», в последующих за ней словах. В качестве примера привожу концовку из речи Луначарского, где допустима постановка экстра-паузы между словами «средств» и «то испытываешь».

«И когда возвращаешься из этой богатой заграницы в наш бедный Союз и погружаешься с головой в работу, где все изъявлено, где всюду сочатся свежие, еще незажившие раны, где всюду нужно заплаты класть, где на многое и многое необходимейшее нехватает средств, то испытываешь огромную радость и чувствуешь, что нельзя быть более обласканным судьбой, чем родиться, бороться и умереть за наше дело в наши дни, в нашей стране». (Доклад на II сессии ЦИК СССР 4-го созыва).

Из следующей концовки, данной Джонсом в своей речи, можно понять, как насыщена содержанием и эмоциональным и смысловым пауза перед последним словом «республика» (здесь экстра-пауза прикрывает одновременно и чисто-стилевой прием—пропуск глагола):

«Мы идем по правому пути, мы не можем быть безрассудными и действовать сгоряча, но мы будем решительны. Мы будем уважать закон, если законодатели будут уважать нас; если же нет, то... республика»...

Все, что было сказано до сих пор, касается вопроса о предварительной проработке материала вносимого в речь. Остановимся несколько на вопросах подачи его в речи.

Подача текстуальной цитаты в речи может быть двоякая: наизусть и с текстом в руках. Нечего и говорить о том, насколько подача наизусть выигрывает перед подачей с текста. К сожалению, далеко не многие находят в себе достаточно мужества, чтобы заставить себя выучить что-либо наизусть.

При произнесении цитаты наизусть нужна так называемая «рамка», т. е. надо предварить аудиторию об идущей вслед цитате, указав автора и место, откуда взята цитата. То же повторяется, разумеется, в иных выражениях, и после цитаты. Цель этой рамки — напомнить аудитории, что данное место есть «инородное тело» в речи.

Пример рамки: «Вот, что говорил об этом товарищ Ленин в своей речи о программе партии на VIII съезде»:... (произносится соответствующая цитата. Кончив ее, оратор продолжает):... «Так говорил тогда Владимир Ильич, разбирая вопрос о... (указывается тема цитаты).

Можно посоветовать оратору не пользоваться при создании рамки словами «цитата», «цитировать», просто потому, что для аудитории может быть важным содержание цитаты, аудитория может претендовать на грамотную передачу цитаты, но для нее совершенно неважно, как «это» называется.

По тону, которым произносится цитата, она должна контрастировать с остальной речью.

Можно рекомендовать несколько усилить голос при ее произнесении, значительно замедлив, с другой стороны, темп произнесения.

При цитате, зачитываемой с написанного текста, надо помнить следующие технические рецепты: 1) Сама цитата обязательно выписывается на карточку, возможно малого формата (примерно 1/8 писчего листа); причем, она пишется крупно, четко и только с одной стороны карточки: надобности в перевертывании следует избегать. 2) Цитатная «рамка» должна быть создана, по крайней мере, с одной стороны, т. е. хотя бы перед зачитыванием. 3) При чтении цитаты создается опасное для оратора положение, когда он выпускает из поля своего зрения аудиторию. Чтобы избежать этого,

надо, предварительно хорошо поработавши над цитатой (но не заучив ее наизусть), уметь читать, почти не глядя на текст с тем, чтобы половина взглядов бросалась на цитату в местах концов фраз и, следовательно, более или менее длительных пауз, а половина—в аудиторию. Навык в этом вырабатывается довольно быстро. 4) До последнего момента, предшествующего произнесению цитаты, и тотчас же после окончания ее зачитывания, оратор не должен иметь никакого отношения к карточке, лежащей возле него на кафедре или столе и содержащей цитату. Недопустимы никакие взгляды, бросаемые на нее, а тем более верчение ее в руках, или еще хуже жестикуляция рукой с зажатой, но виднеющейся бумажкой. Вместе с тем, оратор перед началом речи должен так располагать свой материал перед собой или сбоку от себя, чтобы в нужный момент он, не роясь и не шаря в различных документах, мог просто и спокойно, почти не глядя, взять нужную ему карточку.

Техника проработки иллюстративного материала в виде анекдота, отрывка литературного произведения (беллетристического или публицистического), значительно отличается от техники проработки других видов материала, подаваемых текстуально. При введении в речь рассказа или анекдота оратор прибегает к пересказу его своими словами. Надо предупредить товарищей об одном: проработка такой вставки в речь требует отнюдь не меньшего труда, чем изучение текстуального материала. Только проработка эта идет по несколько иному пути. Внося чужой материал в свою речь, мы должны сохранить по возможности художественный замысел творца отрывка и добиться максимального желательного результата от привлечения его нам в помощь. Однако, правила соблюдения логической перспективы, обязательные в первую голову при произнесении цитаты, здесь нам не окажут поддержки, ибо текст не останется, с фразеологической точки зрения, неизменным. Поэтому здесь совершается несколько иная работа над материалом.

Дадим несколько образцов иллюстративного материала, которыми можно воспользоваться для упражнений, и к которым мы будем, при дальнейшем изложении, возвращаться с целью объяснения отдельных моментов.

А. О Фоме-неверном.

Старое английское предание рассказывает нам, как народ, собравшийся посмотреть на первый опыт с чудовищем-машиной, не верил, недоумевал, смеялся и негодовал по поводу этой затеи. «Никогда не поедет»,—говорили в группе неверующих.—«Без лошадей, без волов, без подталкивания—никогда не поедет». А когда изобретатель повернул рукоятку, когда рычаги надавили, поршни задвигались, колеса завертелись и первое чудовище с шумом и треском двинулось, неверующие отскочили в сторону и с ужасом закричали: «Никогда не остановится». (Зорин. Речь: «Наш революционный локомотив»).

Б. О шахе-самодуре и министре-волокитчике.

Однажды персидский шах вызвал к себе министра просвещения и категорически предложил ему обучить придворного осла человеческой речи. Иначе... тут шах игриво улыбнулся с *видом* добродушного шутника... иначе министру просвещения предлагалось сесть на стол неудобный вид мебели, как прославленный персидский кол.

Старик министр знал, чем пахнут шутки его добродушного монарха. Он немедленно принял директиву к исполнению и только выпросил семилетний срок для ослиной учебы. Шах согласился на этот срок, и тогда министр ушел домой вполне спокойный и очень довольный.

Домашние удивлялись хорошему настроению отца семейства, но старый плут объяснил им, что огорчаться нечему.

— Милые вы мои, ведь семь лет. За семь лет—или шах умрет или я умру. А если не я и не шах, осел-то уж умрет наверняка. (М. Кольцов).

В. О совдураке-прожектёре.

Если бы в заседание Совнаркома вбежал человек и возбужденно радостно объявил, что посещаемость публичных домов достигла довоенного уровня, на него вылили бы графин

воды и постарались объяснить ему, что радоваться тут нечему, а есть от чего скорбеть.

А если бы человек обиделся и стал в оправдание говорить, что его не поняли и что теперь совершенно иная ситуация, когда не буржуи являются посетителями публичных домов, а рабочие и крестьяне,—то ему вылили бы на голову второй графин и отправили бы в сумасшедший дом... (Леф).

Г О подхалиме.

... Хороший подхалим даже в пустыне Сахаре найдется. Он сожалеющим жестом руки поведет кругом себя и вежливо извинится:

— Вы уж простите, бога ради. Вас не ждали, плохо приготовились. Рафинада нет, один песок кругом... (М. Кольцов).

Сообщим теперь вкратце основные принципы проработки отрывка: 1) Необходимо определить основную смысловую установку вводимого в речь иллюстративного материала. Этим мы хотим сказать, что при поверхностном взгляде на материал подчас нельзя верно вскрыть цель внесения его в речь, и тем самым точно определить место в речи, куда он может подойти. В виде примера я укажу на первый отрывок из Кольцова, помещенный выше. С первого взгляда, он кажется нам говорящим об умном, пронырливом, хитром человеке, как о типе повсеместно распространенном. С точки зрения ораторской, больше интереса для нас представит трактовать этот отрывок глубже, а именно как художественную попытку высмеять психологию волокитчика. Определив основную смысловую установку отрывка в этом плане, мы не затруднимся приискать в нашей речи и место данному иллюстративному материалу. Точнее выражаясь, мы сумеем создать в речи подходящую смысловую и словесную обстановку, предшествующую произнесению отрывка. Без этого он окажется пришитым белыми нитками к речи, и оратор заслуженно произведет на аудиторию впечатление рассказчика веселых анекдотов.

2) Необходимо уяснить себе сюжетное построение отрывка, другими словами подумать над вопросами: а) какие события и поступки участвующих в них лиц изображены подробнее, а какие изложены кратко, служа лишь для связности и ясности, б) каков порядок показа слушателю событий и по-

ступков действующих лиц, а также в какой степени мы оставляем аудиторию в неведении относительно некоторых событий и в) какие места необходимо особенно выделить и какие, наоборот, несколько стушевать. Для примера обратимся к тому же отрывку Кольцова. Если вы не подумали над значением, которое приобретает по линии развертывания сюжета просьба министра назначить срок именно в семь лет (а не «некоторый срок», скажем), и, рассказывая это место отрывка укажете не точно сформулированный (5, 7, 8-безразлично, конечно), а неопределенный—вы смажете рассказ наполовину.

3) Необходимо определить наиболее эмоционально воздействующее место отрывка. Этого удастся нам достигнуть, если мы поставим себе вопрос: в каком месте отрывок произведет желаемое впечатление на аудиторию, какие слова в нем расчитаны на то, чтобы вызвать смех (в случае юмористического рассказа) или напряженнее внимание (если отрывок построен в ином плане). Размыслив, вы придете к выводу, что такими местами являются: в отрывке Кольцова слово «наверняка», а в отрывке из Лефа слова «рабочие и крестьяне».

4) Постарайтесь выяснить наиболее характерные особенности стиля данного отрывка. В отрывке, Кольцова например, бросается в глаза применение в претендующей на древность историйке современных выражений, вроде: «принять директиву к исполнению», «учеба». Имеет особое значение и эпитет, который сопутствует слову монарх и сравнение кола с мебелью. Здесь очевидна тенденция автора устранить какие бы то ни было следы серьезности из анекдота, подав его в иронических тонах. Оратор волен либо сохранить в пересказе стиль автора иллюстративного материала, либо сгустить окраску приданную литератором. (См. пункт 6 об отношении к отрывку).

5) Нужно хорошо осознать тип главного действующего лица эпизода (если таковое в нем имеется), чтобы при воспроизведении-пересказе попытаться воссоздать его, особенно в части слов, произносимых главным действующим лицом. При этом отнюдь не следует прибегать к изобразительности, к какой-нибудь форме имитации произносительной стороны речи этого главного действующего лица.

6) Оратору следует выявить свое собственное отношение к передаваемому материалу. Ведь можно передать анекдот так, как будто оратор считает его фактом, и тем поставить себя в невыгодное положение. Можно подать текст в форме, которая покажет аудитории, что этот иллюстративный материал является чуть ли не основным аргументом оратора, а это, разумеется, сейчас же понизит репутацию последнего в глазах слушателей. Такое выявление собственного ораторского отношения к передаваемому тексту тесно связано, в части передачи, с предыдущим пунктом, говорящим о стиле. Равным образом оно зависит и от слов ораторской речи, предшествующих вводимому отрывку.

Тон речи при произнесении вставки отличается от предшествующего и последующего тона самой речи. Изменением тона оратор выделяет иллюстративный материал и вместе с тем подчеркивает уход в сторону от главного ствола речи. Тон, с которым оратор приступает к рассказу, должен как бы говорить аудитории: «ну, а теперь позвольте предложить вам на минуту отдохнуть от общих положений».

Еще одно замечание. Если в иллюстративном материале попадается диалог, т. е. разговор двух или нескольких лиц,— то отважиться на передачу его можно лишь при уверенности, что выразительных средств оратора хватит на более или менее удовлетворительное исполнение. Мы зачастую видим, как даже профессионалы чтецы прибегают в случаях передачи диалогов к шаблонному, чисто условному, приему. Они говорят за одно лицо, слегка повернув голову в одну сторону, и отвечают от имени второго, обращая лицо в другую сторону.

При исполнении чтецом длинной вещи, а тем более ряда вещей, аудитория, конечно, осваивается с условностью приема и воспринимает его, но надо сознаться, что само по себе применение такой формы подачи возникает на почве недостаточной техники исполнителя, а оратору не может быть рекомендовано еще и в силу обычной краткости подаваемого материала. Гораздо выгоднее опустить диалог, оформив его при пересказе, при помощи придаточных предложений, разряжая последние, в крайнем случае, постановкой ряда риторических вопросов, не выпадающих по тону из общего исполнения материала.

Заканчивая статью, мы хотели бы указать, что только серьезное и вдумчивое отношение к материалу, предназначенному для орнаментации речи, а также предварительный довольно жестокий тренаж в способах его произнесения—могут повлечь за собой оправдание в глазах аудитории использования этого способа художественного оформления речи.

Не может быть оправдано привлечение иллюстраций, если это делается «кустарно», без надлежащей трепировки и тщательной подготовки. Здесь приходится повторить тривиальную мысль, что лучше совсем не отважиться на эксперименты в этой области, чем делать это плохо.

Вместе с тем начинающему ораторскому молодняку можно советовать начинать с малого.

Прежде чем переходить к большим интересным по содержанию и форме и ответственным отрывкам—надо брать сначала небольшой образ, картину, постепенно переходя к большим полотнам, все время контролируя себя и проверяя на практике, в аудитории, успешность выполнения приема.

Вместе с тем, хочется сказать, что если правильно утверждение, что «работа—залог успеха»,—то работа, действительная работа, по указанным в статье путям, может, при прочих благоприятных обстоятельствах, не мало способствовать ораторскому успеху.

Н. Максимов.

АНАЛИЗ ОРАТОРСКИХ ОБРАЗЦОВ.

I.

«В наши дни слово стало оборонительным и наступательным оружием; нужно обучаться владеть им как шпагой». Это изречение французского теоретика (Ажама) необычайно убедительно звучит именно в наше время великих революционных боев.

Еще в классической древности было проверено на колоссальном опыте практическое значение обучения публичной ораторской речи. Это обучение, ораторское воспитание, составлявшее непременную часть общеполитического воспитания общественных работников, подразделялось в основном на: 1) изучение теории (реторических правил); 2) изучение ораторских образцов и 3) упражнение в самостоятельных публично-речевых выступлениях, в составлении и произнесении речей.

Для каждого, кто интересуется вопросами речевой культуры, в частности ораторской, очевидно громадное воспитательное значение образцов. Но необходимо уметь анализировать, уметь пользоваться этими образцами. Анализ ораторских образцов должен исходить из следующих общих предпосылок.

1. Изучение ораторской, а в частности политической агитационной речи, о которой в дальнейшем будет итти речь, требует сложного анализа. Помимо общих теоретических вопросов, встающих перед исследователем публичной ораторской речи, возникает еще целый ряд частных проблем, непосредственно связанных с установкой речи на агитацию.

Природа агитационной речи изучена очень мало. Реторика и гомилетика [1]), как практические руководства, отличались и отличаются догматическим характером. Вторым грехом старой теории ораторства является ее антиисторический и антидиалектический характер. Нам необходима социологическая реторика, построенная на основе диалектического материализма.

Ораторская речь есть разновидность публичного речеведения и его особый творческий результат, его особая форма. Лингвистика различает системы речи: 1) устной и письменной и 2) диалогической («разговорной») и монологической. Далее идут и другие существенные различия: языка практического, делового (различных форм), языка литературно-художественного и т. д.

Ораторская речь является особым видом устной монологической речи [хотя, конечно, ораторская речь может прерываться репликами, т. е. в нее могут внедряться элементы «разговорной» (диалогической) речи].

Ораторский монолог обладает помимо отличительных признаков, присущих всякому монологу, еще характерными чертами именно монолога устного и притом ораторского, т. е. такого, который, затрагивая общественные интересы коллектива, должен убедить, возбудить и толкнуть на действие. Вообще монолог представляет собою сложную речевую организацию сложного смыслового единства.

«В противоположность композиционной простоте диалога, монолог представляет собой определенную композиционную сложность. Самый момент некоторого сложного расположения речевого материала играет огромную роль и вводит речевые факты в светлое поле сознания, внимание гораздо легче на них сосредоточивается. Монолог не только подразумевает адекватность [2]) выражающих средств данному психологическому состоянию, но выдвигает, как нечто самостоятельное, именно расположение, компонирование речевых единиц. Появляется оценка по поводу чисто речевых отношений: «связно», «складно», «нескладно». «порядок слов нехорош» и т. д.

[1]) Так называлось учение об ораторской речи. Гомилетика — учение духовного красноречия.

[2]) Соответствие.

Здесь речевые отношения становятся определителями, источниками появляющихся в сознании по поводу их самих переживаний. Несколько туманное, но очень реальное понятие «закругленности фразы», независимо от смысла, влияет на словоупотребление и, например, заставляет прибавлять слова там, где их, может быть, не нужно было прибавлять. На этой же почве возникают всевозможные явления синтаксического параллелизма и симметрии, так как сложность естественно вызывает какую то организацию, построение». (Л. П. Якубинский). Ораторский монолог, рассчитанный на публичное воздействие, в силу своей социальной природы обладает особенно сложной стилевой и композиционной природой.

Предварительное полное раскрытие определения, что такое агитационная речь, невозможно уже потому, что в разные времена понятие это включало в себя несходные признаки. Нет единой агитационной речи, признаки которой зависят от характера общественно-экономической формации, породившей ораторство. Неизменна лишь принципиальная установка на убеждающую и внушающую выразительность речи, толкающую слушателя на практическую реализацию смысла речи. Эта установка носит, таким образом, ярко выраженный практический характер, а поэтому целиком обращена к практической, политической сфере языкового сознания, что не мешает, конечно, использованию целого арсенала средств литературного воздействия. Более того: она включает в себя, с переменой функционального знака, выразительные средства и других искусств, — декламации, иногда и театра (т. е. актерской игры).

Понятие устной агитационной речи шире понятия говорения. Следует говорить о системе символики, как о синкретическом (сложносовокупном) строе агитирующих жестов, выразительных знаков, в которой речевая семантика (смыслы словесные) занимает более или менее значительное место: то выступая на первый план, то уступая иным категориям ораторского воздействия.

Агитационная функция в какой то мере может быть присуща почти любой ораторской речи, любому говорению. Тем более необходимо различать ораторскую речь с конструктивной установкой на агитацию от других ее видов, агитацион-

ная функция которых может возникнуть и исторически возникает, как случайный, внеконструктивный, побочный результат. Объективное «сухое» информационное сообщение, научная лекция и пр. может нести огромную агитационную функцию, если материал говорения «злободневен» в широком смысле слова и поэтому ощущается, как агитационный, т. е. воспринимается так же, как материал (предмет) агитационной речи.

Наличие же агитационной конструкции является столь важным типовым признаком ораторской речи, что перед ним отступают на задний план такие поверхностно-общие и исторически неустойчивые классификационные категории, как например, деление ораторства на политическое, судебное, духовное и пр. Зачастую это лишь внешние этикетки, совершенно бесполезные. «Проповедь» первых веков христианства (Василий Великий, Иоанн Златоуст и др.) насыщена глубоким социально-политическим смыслом, злободневна по материалу, имевшему общественно-практическое значение[1]). Точно также судебные речи (например, в революционных трибуналах во Франции или у нас) часто представляют собою ярко выраженные образцы агитационно-политического говорения. Гораздо существеннее поэтому деление по конструктивным признакам и в частности выделение агитационной речи и жанровых ее разновидностей, конечно, с учетом различий в материале (тематике) и, что еще важнее, конкретных условий говорения (обстановки), поскольку они обусловливают конструкцию речи.

2. Ораторская речь есть особое орудие социальной практики и имеет общей целью организацию социального действования, социальной борьбы. Поэтому анализ должен ответить на вопрос: какую социальную роль и при помощи каких специфических средств сыграла данная ораторская система (или отдельная речь) в тех исторических условиях, которые ее создали.

Нельзя механически переносить ораторские формы из одних социально-исторических условий в другие. Ораторские формы

[1]) Известна, напр., история ссылки императором Аркадием Иоанна Златоуста, знаменитого проповедника, за опасное влияние и вмешательство в политические дела.

нельзя трансплантировать (пересадить), но можно трансформировать (преобразовать), функционально приспособив к новым социальным требованиям. Агитационное ораторство одно из проявлений политики; меняется политика и с нею — ораторство.

Очень характерно, что основополагающие образцы риторических построений — риторика Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана, от которых ведут свою родословную все последующие риторики, представляют собою пропаганду и защиту — иногда резко полемическую — конкретных методов ораторского дела в реальной исторической обстановке. С другой стороны — у Квинтилиана в особенности — сказалось естественное стремление подвести итоги громадному историческому опыту, завершившему свой круг развития вместе со всей античной культурой. Именно в этом следует искать объяснения воли к догматическому теоретизированию. Эпоха Квинтилиана для античного ораторства — это время эпигонства и декаданса (подражательного упадочничества), время не ораторов, а риторов, не ораторских систем, а риторик, не столько практики, сколько теории. У Аристотеля — современника Демосфена, Эсхина, Исократа — гораздо ощутительнее отголоски живой и злободневной борьбы ораторских направлений. Борьба с горгианством за стиль [1]), война против поэтических штампов, за особую функцию ораторского слова, против эпигонства с его орнаментализмом (украшенностью стиля) и «холодностью», — все это породило и заполнило третью, и полемически важнейшую, часть риторики. Критическая острота и точность высказываний у Аристотеля изумительны. Туманным и абстрактным теоретизированиям «под знаком вечности» здесь нет места. Перед нами живые имена и конкретные факты. Исследование ведется под знаком уяснения ораторских позиций сегодняшнего дня. Великие риторические системы были всегда отражением конкретной ораторской практики и попыткой утверждения ее принципов.

Между тем античные имена были освещены в веках, их работа, теория и практика навсегда были признаны образцо-

[1]) Горгий — софист и оратор в древней Греции (V—IV в. древн. эры), создавший особое ораторское направление.

выми. Они приобрели универсальное значение одновременно с забвением их исторического реального смысла. Позади маячил идеал цицероновской и демосфеновской речи, и все последующие ораторы, любого времени, расценивались с точки зрения соответствия с канонизованными нормами. А эти неподвижные нормы представляют собою фикцию, идеальный чертеж, потому что нельзя говорить не только о «правильной» античной речи вообще или какого-либо типа ее, но и о речи Цицерона вообще, потому, что Цицерон рос и менялся, как оратор и политик.

Жанр судебной речи в Афинах времен логографов и Демосфена соотносителен не с жанром римской судебной речи, а с другими жанрами ораторской речи Афин того же времени, и уж никоим образом не может соотноситься с адвокатскими речами во Франции XVII века, так же, как и с русской судебной речью конца XIX столетия. Системы доказательств (аргументации), как конструктивный фактор, окажутся несоизмеримыми так же, как и весь стиль. Пафос расстояния, диференции (различия) здесь не может быть переоценен. Достаточно напомнить хотя бы спор об ораторской аргументации между Плинием Младшим (учеником Цицерона) и Регулом, представителем нового направления: «Ты — говорил Регул Плинию—считаешь нужным развивать все относящиеся к делу соображения; я тотчас смотрю, где у него горло, чтобы за него схватить его». Здесь сформулированы совершенно различные методы ораторской работы.

Квинтилиан в своей реторике («О воспитании оратора»), говоря о музыкальном факторе, указывает на Г. Гракха, «знаменитого в свое время оратора, которому, когда говорил он к народу, стоявший позади его музыкант с флейтой, называемой «тонарион», давал знать, где надлежало повышать и понижать голос. Такую предосторожность принимал он, когда произносил самые мятежнические речи и когда устрашал вельмож, или сам их страшился». Невозможно даже представить себе революционного агитатора нового времени, который, рискуя жизнью, обращается с зажигательной речью к толпе, управляя модуляциями голоса при помощи звуков флейты. Столь велика пропасть между конструктивными принципами ораторства, выросшего на почве несходных культур

Никаких неподвижных, неизменных норм, даже самых общих, в живом диалектически противоречивом развитии ораторства никогда не существовало. Даже в пределах одной национальной культуры и в одновременном разрезе нет единства ораторских принципов. Демосфену было враждебно ораторское направление Эсхина, создателя «родосского» стиля («талантливый актер последних ролей»), так же, как Марату красноречие Верньо («цветистые речи», «пустое фиглярство»), как Ленину ораторская система Троцкого. («Не все то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет»).

В этих оценках весьма важную роль сыграло различие идеологий, политических воззрений. При оценке ораторских фактов решающее значение имеет суждение о коэфициенте полезного социального действия, с точки зрения которого и расценивается данное ораторство и оратор. В этом смысле полезно помнить старое изречение: «качество пудинга узнается в еде». Отсюда неизбежность и необходимость социально-исторического осмысления той или иной ораторской системы, того или иного оратора, той или иной речи. Ведь и ораторство, как и всякое речевое творчество, есть идеологический продукт известного класса на данной ступени развития. Очень важно определить генезис явления. Ничего нельзя понять в диалектике ораторских систем, не уяснивши их социально-исторической обусловленности и их социальной роли. И само собою разумеется, что вне изучения общественной среды, породившей данное ораторское явление, нельзя осмыслить не только идеологическую природу и не только тематический материал речи, его актуальность, но и языковые, например, средства оформления этого материала. Так, для понимания роли исторических имен, сравнений и пр. стилевых средств у ораторов Великой французской революции, необходимо учесть систему школьного образования во Франции «старого порядка», где изучение древних языков (в особенности латыни, как языка церкви, распоряжавшейся народным образованием) стояло на первом плане, так же как и изучение античной истории и литературы, затем нужно учесть господствовавшие литературные вкусы эпохи, словесную культуру салонов, характерную для абсолютизма и со-

заданную феодально-дворянской средой; затем нужно вспомнить принципы судебной речи, идущие из средневековья (ведь многие ораторы революции были в то же время и адвокатами), далее — философский язык Руссо, Вольтера, энциклопедистов, язык, из которого почерпалась ораторская фразеология.

Анализ агитационных ораторских смыслов, их стиля и архитектоники часто требует использования документального материала об ораторском поведении, о состоянии тех культурных рядов, откуда почерпает оратор элементы своей системы, о характере аудитории, о цели говорения, о бытовой обстановке и фактах, послуживших предметом речи и т. п. Очень важно уяснение ближайших условий ораторского говорения, как-то: практическая цель, количественный и качественный (социально-профессиональный, партийный, возрастный, культурный и пр.) состав аудитории, продолжительность речи, физические (пространственные, акустические) условия выступления. То, например, обстоятельство, что французские ораторы Учредительного Собрания 1789 года говорили не только для депутатов, не только для публики, присутствовавшей в зале Манежа, но и для парижской толпы, стоявшей на улице перед дверьми и ловившей слова ораторов, должно многое объяснить в структурных, в частности семантических, особенностях их речей.

Структурные черты речей Ленина о Брестском мире — при тождественности тематического материала, общей целевой установки и общего хода аргументации, — меняются, однако, в зависимости от условий говорения (качественного состава аудитории): сравнить речь на VII съезде РКП (б) и на IV чрезвычайном съезде Советов.

Целевая установка (практическая цель говорения) и ее понимание играет роль направляющего импульса, определяет тип речеведения и его тему, направление выбора, а до известной степени самый выбор и общий характер символики. Так, например, в политическом судебном процессе защитительная речь, имеющая целью оправдание (смягчение участи) подсудимого, строится иногда на семантике, так сказать, уничижительного характера: рисуется портрет подсудимого, как ничтожной и недалекой личности, не могущей играть ответственной роли и, следовательно, как человека безвредного.

а политическая деятельность его, как малозначущая или утопическая. Понять такую символку можно только исходя из наличия конкретной целевой установки говорения. Но в том же процессе защитительная речь может исходить из иной целевой установки: сделать из процесса политическую демонстрацию, пожертвовав участью подсудимого; тогда семантика речи приобретает совершенно иной, обличительный, панегирический характер: обвиняемый легко окажется героем.

Равным образом и лексический (словарный) отбор, и синтаксический строй в значительной мере бывают обусловлены конкретными условиями говорения. «Язык» речи перед батраками-крестьянами и перед профессорами должен отличаться столь же резко, как и реальные условия говорения.

Для изучения ораторской речи необходим, конечно, выбор наиболее достоверного и характерного материала из необозримого множества разнородных явлений ораторской речи, зафиксированных более или менее удовлетворительно. Этот выбор подсказывается социально-исторической ролью материала и его воспитательным значением.

3. Предназначенность тематического материала, целевая и обстановочная обусловленность, с которыми обязан считаться оратор, а затем и исследователь, нисколько не снимает творческой задачи организации, оформления агитационной речи. Здесь-то и начинается, собственно говоря, искусство оратора, его творческая импровизация, его изобретение.

Ораторская речь есть специфическая организация идеологического материала, требующая особой речевой конструкции — стиля. Стиль же определяется, как *угол зрения, отношение речевых смыслов к объективной действительности*, реализованное динамической системой выразительных средств. В ораторской реализации идеологический материал приобретает особую социальную функцию. Поэтому только невежды могут считать второстепенными вопросы стиля. Язык, архитектоника речи, система мимико-жестикуляторных приемов, голос и возникающий «образ» оратора, все это предстоит говоряшему, как творческая проблема.

Для агитации, как ораторской проблемы, важен вопрос не о материале самом по себе, а о принципах подачи его, об оформлении. Это ни в коей мере не означает, что мате-

риал безразличен. Напротив, он с величайшей принудительностью диктуется социально-исторической обстановкой, выдвигается текущим моментом общественной жизни, как злободневный. Прежде всего нужно осмыслить и изучить содержание речи, ее тематический материал, поняв точку зрения, на которой стоит оратор. Но один и тот же материал может быть использован для речи, журналистом для статьи, художником для плаката, сценаристом и режиссером для фильма и поэтом для стихотворения. Следовательно, говорить о нем, как об ораторском материале, можно только тогда, когда он становится предметом ораторского словесного мышления, т. е. получает специфическое оформление. Другими словами, когда он перестает быть только материалом, а становится организацией, динамической (движущейся) темой ораторской речи. Движение темы реализуется конструкцией всей речи, включающей в себя не только словесную символику, но и внесловесную.

Творческая организация ораторской агитации предполагает систему выразительных средств, уводящих от прямолинейно-понятийной коммуникации т. е. от терминированного фактического сообщения. Ораторская речь нуждается в особой фразеологии для создания ораторского стиля. Рождается широкая плоскость соприкосновений с искусством. Именно от искусства черпает оратор элементы для построения своей системы так же, как от публицистики и науки. Элементы же, входя в систему под иным конструктивным знаком, существенно меняют свою природу.

Оратор берет из литературы стилевые формы различного характера, способ построения описания и повествования иногда даже ориентируется на жанровые образования (напр., новеллу).

С другой стороны, до известной степени родственны декламационному и театральному искусству ораторские произносительные — «звучащие» — приемы и элементы ораторской «игры» (обыгрывание вещей и т. п.), мимико-жестикуляторные средства, поза и т. д. Но следует помнить, что ораторские элементы количественно и качественно отличны от театральных; «театральщина» губит ораторскую речь.

Равным образом входят в ораторство, функционально преобразовываясь, элементы логической структуры наукообразной речи («доказательства») и ее стилевые тенденции (наукообраз-

ная фразеология, лексика, синтаксис), так же, как стилевые и конструктивные признаки любых «жанров» письменной и устной речи. В противовес, напр., ориентации на литературно-книжные формы стиля возникает ориентация на стилистику, фразеологию разговорного языка (различных его «диалектов»), на конструктивные признаки бытового монолога, «беседной» речи.

Обнаружение становления всех этих элементов, как ораторских, уяснение их ораторской функции, их конструктивной роли помогает разобраться в природе ораторских явлений.

Но язык (семантический строй, словарь и синтаксис) агитационной речи, как особого типа творчески оформленного и убеждающего монолога, заключающего в себя существенные элементы «эмоционального» и «волевого» языка, должны изучаться не столько в плане теоретической лингвистики, сколько социально-исторической ораторской стилистики [1]). Однако стилистика, даже опирающаяся на учет исторических, культурно-бытовых и обстановочных условий, породивших говорение и обусловивших его семантическую природу, как систему практически-ценных смыслов, не может, конечно, исчерпать целиком проблему изучения агитационной, да и всякой другой ораторской речи. За пределами стилистики остается целый ряд проблем первостепенного значения, даже в плане речевом. Это будут вопросы построения доказательств и общих принципов развертывания темы речи.

Затем встанут вопросы, связанные с изучением роли голосовых и мимико-жестикуляторных приемов оратора, которые часто играют первостепенную организующую роль. Наконец, возникнут вопросы общего построения ораторского говорения.

При анализе надо помнить, что все элементы ораторской речи несут определенную стилевую функцию. Эта функция элемента в общей смысловой структуре—величина переменная, качество элемента функционально изменяется. Любая метафора, например, это кирпич, из которого можно выстроить любое здание: и Лигу наций, и социализм. Поэтому недостаточно обнаружить у оратора такие то метафоры и заявить, что оратор ими пользовался. Необходимо установить, что эти

[1]) Старое схоластическое понятие стилистики должно быть в ораторской науке заменено понятием ораторской тактики; но об этом говорить здесь не место.

метафоры — качественно — характерный признак данного ораторского стиля, для чего нужно отыскать их частно-функциональную роль и выяснить конструктивное значение по отношению к общей функции всего речевого смысла в целом. Само собой разумеется, что понимание функции элемента и функции целого—тесно связаны с вопросами генезиса (возникновения) всякой ораторской речи, обусловлены им.

4. Так как ораторская речь есть устно-монологическая форма, сопровождаемая «драматизацией» (т. е. приемами внесловесного воздействия), то всякий изолированный речевой текст (записанная речь) представляет собой неполноценный объект с ораторской точки зрения. Изучать речь всего плодотворнее было бы при помощи звукового кино, где перед исследователем оказывались бы налицо «действие», слова и голос оратора, как конструктивное целое, как ораторский образ [1]). Но при помощи текста (присоединяя, когда можно, описание ораторского поведения на трибуне, напр., Г. Брандеса о Ж. Жоресе, Ламартина о Марате, Дюмона о Мирабо и т. д., а также фонографическое воспроизведение ораторского голоса) мы в состоянии, однако, делать весьма важные наблюдения и обобщения, поскольку основным в ораторской речи являются мысли и чувства словесно выраженные. Смысловой контекст уже сам по себе предполагает и позволяет угадать по крайней мере общую интонационную схему звукового оформления. В дальнейшем говорится об анализе текста речи.

Признак устности ораторской речи не есть однако, только внешне формальный признак: ораторская речь даже напечатанная остается (если она не искажена редактурой — авторской или посторонней) обладающей конструктивными чертами устно-речевого ораторского стиля. Таких черт много и они ярко характерны: разнотипные повторения слов и фраз, ритм и синтаксические инверсии—расстановка слов, самый подбор последних, фразовые обрывы, обращения, вопросы, эмфазы, патетика, особого «устного» типа аргументация натиска или защиты, особое расположение материала и т. д. Все эти явле-

[1]) Следует заметить, что материал, когда он „специально" добывается путем эксперимента над оратором (напр., когда последний говорит перед трубой диктофона), тоже неполноценен, ибо оратор психологически „связан" экспериментом, что отражается на качестве деятельности.

ния тесно связаны: 1) с быстротекучестью речи и однократностью восприятия «на слух»; 2) с мимико-жестикуляторным и голосовым сопровождением, дополняющим и усиливающим словесные смыслы, которые «детонируют»; 3) с психо-физиологическими условиями непосредственного общения оратора с аудиторией; говорящий индивидуум преодолевает путем организованного воздействия — речью — нейтральность, пассивное или активное сопротивление сознания толпы или коллектива, предстоящего в непосредственной данности (у писателя это общение опосредствовано книгой, брошюрой, газетой, дневником, листовкой и т. п.). Условия эти в разной социальной среде и порождают особенности ораторского стиля и языка. Не только ораторы, но и драматурги-театральщики знают, что не все слова и не одинаково «доходят» в речи письменной и устной. Здесь принципиален, конечно, не вопрос о том, произнесена ли данная ораторская речь (есть написанные, но не произнесенные речи и есть статьи, услышанные нами, а не прочитанные): существенна конструктивная установка на определенный тип монолога. Многие статьи Плеханова или Марата по смысловой структуре и всем стилевым признакам скорее речи, а не статьи, что свидетельствует *об ораторской* манере мышления их авторов, бывших первоклассными ораторами, и о том, что социальная функция сближает стили[1]).

5. Структура смыслов агитационно-ораторского монолога, которая должна быть вскрыта анализом, почти с линейной последовательностью отражает противоречия социальной практики; будучи идеологическим орудием борьбы, ораторская речь в значительной мере вырастает из социального спора, как продукт несогласия, социальных противоречий. Она по природе, полемична, как порождение конфликтного общения. Эта полемичность выражается в противонаправленности смысла, в том, что почти любой агитационно-ораторский смысл есть дуэльный выпад, нападение на враждебный смысл, точку зрения, убеждение. Поэтому ораторская речь—одно из острейших выражений и сильнейших орудий классовой борьбы.

[1]) Эро-де-Сешель, напр., выдающийся оратор и автор революционной французской конституции, считал, что „Руссо все писал для слушателей, а Бюффон для читателей".

Расцвет ораторства приходится на эпохи наиболее богатые политической борьбой, взрывами классовых противоречий. В самом деле, понять организацию ораторских смыслов можно только исходя из учета того смыслового плана, которому противопоставлен план речевой. Полемические выпады и уловки, намеки, образы, ирония, умолчание и в особенности категоричность оценочных суждений, контрастная резкость смысловых формулировок и смысловых фигур,—организуют контр-план, противовес, который не может быть полностью раскрыт без сопоставления обоих смысловых планов, одного как позитивного, а другого как негативного, одного как тезиса и другого как антитезиса. Оратор-агитатор имеет перед собой реальный или предполагаемый смысловой контр-план, ориентируясь на который он строит свои речевые смыслы, часто даже организуя в своей речи образ противника и формулируя от имени последнего противные суждения, чтобы тут же противопоставить им суждения положительного характера и победить противника. Эта своеобразная внутренняя диалогизация ораторского монолога (диалогизация условная) служит признаком заложенного в глубине ораторской речи диалогического столкновения смыслов, диалогической остроты спора (сравн. речи Демосфена, Дантона, Володарского, Ленина и др., речи, смысл которых построен в виде развернутой антитезы). Действительно, ораторский монолог часто прерывается и переходит в беседу конфликтного характера, в обмен репликами. Чем острее по социальной функции и агитационнее по смыслу речь, тем шире возможности диалогического разрыва монолога (яркие примеры см. напр., в речи Кашена во французской палате депутатов 24 декабря 1929 г. «Против клеветы на Советский союз», Гиз. 1930 г.).

6. Древние греки и римляне, создатели величайших образцов ораторской теории и практики, различали: 1) изобретение, т. е. нахождение мыслей; 2) расположение, композиция мыслей и 3) выражение мыслей—слог или стиль в узком техническом смысле—это аналитически расчлененные стороны единой ораторской задачи. На основании текста речи мы можем, путем анализа, упражняться в приемах нахождения и расположения ораторских мыслей, в системе натиска на мысль противника или защиты своего тезиса, в приемах разви-

тия главных суждений и побочных положений, суждений и понятий воздействующих на рассудок и на чувство и т. д. Но все подобные элементы даны в определенных языковых формах. Древние различали три основных типа: 1) язык украшенно-торжественный; 2) язык деловой и 3) язык разговорный. Так как для оратора важны не только мысли сами по себе, но сила воздействия этих мыслей, внушаемость аргументов,— то нельзя ограничиться их выражением в терминах—понятиях делового языка (слога), лишенного особых средств экспрессивности, выразительности. Поэтому кроме элементов делового слога в ораторской речи мы находим слог разговорный, характеризуемый умеренным количеством экспрессивных свойств и слог торжественный, характеризуемый обилием последних, т. е, слог «высокий». В сочетании. в удачном и остром использовании этих слогов и их функциональных вариаций заключается сила и оригинальность ораторского слововыражения. Цицерон говорил, что ораторство, которое не внушает удивления, он не почитает за ораторство (то же говорил Аристотель). Это значит, что слововыражение не может быть у оратора бесцветным и банальным. Средства экспрессивности делятся на фигуры и тропы. Тропы отличаются от фигур тем, что первые строятся по принципу образной иносказательности, избегания прямого называния, а вторые по принципу прямых непереносных словесных значений, создающих, однако, особый речевой ход, отступающий от банального, обыкновенного терминологического способа выражения. Фигуры делятся на три категории: 1) фигуры звуковые, т. е. имеющие ритмико-фонетическое значение (анафора, аллитерация, равночлен и т. д.); 2) фигуры синтаксические (реторический вопрос, эллипсис, повтор и т. п.) и 3) фигуры мысли (антитеза, градация, умолчание, ораторское суждение—афоризм, сентенция и т. п.). К тропам относятся: метафора, метонимия, синекдоха, гипербола. перифраз, антономасия, ирония, аллегория и др. [1]). Само

[1]) Подробная характеристика тропов и фигур дана, напр., Квинтилианом в его „Риторических наставлениях", кн. 8 и 9.

Приведу некоторые примеры, поясняющие фигуры и тропы.

Анафора (единоначатие) и градация (постепенное усиление смысла) в соединении с повторами и со стремлением к равночленам (членению на равные фразовые отрезки речи):—Я не только

собой разумеется, что в ораторской практике все элементы эти—тропов и фигур—сложно переплетаются в зависимости от функционального использования, в свете которого только и могут быть осмыслены их роль и значение в ораторской речи. С этой оговоркой и с учетом того, что всякая классификация стилевых приемов есть лишь формальная и отвлеченная схема, можно практически использовать богатый в этом отношении опыт древних риторов.

7. Весьма важной представляется проблема ораторской стратегии и тактики, проблема тесно связанная с вопросом поведения оратора. Вопрос «как говорит» зависит не только от вопроса: «зачем говорит», но связан еще с вопросом «кто говорит» «перед кем говорит» и о «чем говорит». Оратор не актер, но и не

сказал речь, но я предложил постановление, я не только предложил постановление, но взял на себя посольство, я не только отправился с этим посольством, но я убедил фивян. (Демосфен).

Риторический вопрос (содержащий в себе ответ):—Мне очень неприятно, что пришлось сказать нечто такое, что вам не понравилось. Но что делать? (Ленин—V Всерос. съезд Советов).

Эллипсис (опущение слов):—Семь бед один ответ. На словах—что на воде.

Антитеза (противопоставление):—Ваша Россия умерла; но наша Россия, Россия советская, трудовая, рабочая, крестьянская не только не умерла, но... (Володарский).

Умолчание:—Но смерть... но власть... но бедствия народны...

Сентенция (философическое изречение): — Смешно, в самом деле, уверять, что печалишься о чужом, когда не бережешь своего собственного, и не заботясь о настоящем, запугивать другого будущим... (Демосфен).

Афоризм (краткое и острое изречение):—Для войны нужны во 1-х, деньги, во 2-х, деньги, и—3-х, деньги.

Метафора (переносное значение): Цветы красноречия. Костлявая рука голода.

Метонимия (перенос от одного значения к другому по различным отношениям—причина вместо действия и т. п.): — Мы встретим врага с железом в руках.

Гипербола (преувеличение)—(О германском империализме): „Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние" (Ленин—VI Всерос. чрезв. съезд. Советов).

Ирония (употребление слова в противоположном смысле):—Эти милые и нежные мальчики умеют не только любить и быть любимыми... но и поражать кинжалом и отравлять ядом... (Цицерон).

Антономасия (употребление вместо собственного имени названия свойств, ему принадлежащих, и наоборот): — Страна строющегося социализма (вместо: СССР).

простак-говорун; он тактик и стратег. Ораторское искусство имеет много общих точек с военным делом. При анализе образцов существенное место должно занять выяснение ораторской тактики, без чего многое в речах останется неясным. Еще Цицерон утверждал, например, что «величайшее из достоинств оратора—не только сказать то, что нужно, но и не сказать того, что не нужно». В этих словах заключена целая инструкция оратору и исследователю ораторских образцов.

Проблема ораторской тактики упирается не только в разрешение вопроса о словесном воздействии на слушателей, но и в использовании оратором мимико-жестикуляторных средств выражения.

8. Социально-исторический анализ образцов, поскольку он является историческим, преследует задачу научного овладения ораторским опытом прошлых времен, без знания которого нельзя уяснить генезиса и развития ораторского стиля Октябрьской революции и эпохи пролетарской диктатуры. Использование прошлого ораторского опыта, так же как современного нам опыта буржуазного ораторства ни в коем случае не должно выражаться в попытках пересадки на пролетарскую почву чужих ораторских форм; было бы безнадежным и вредным делом, если кто нибудь стал бы подражать Цицерону или Робеспьеру. Дело не в подражании, а в новом функциональном использовании старых испытанных ораторских изобретений, не в реставрации старых и враждебных систем, а в переработке старых элементов для достижения новых социальных результатов. Следует помнить, что риторика есть особый вид политики. Ценность ораторских смыслов—их истинность или ложность—в историческом плане зависит от того, в какой мере сознание выражающего их класса приближается к объективному познанию действительности, реальных ее отношений и в какой мере подлинное раскрытие действительности соответствует интересам класса. Риторика, «атакующего» т. е. восходящего класса побеждают риторику обреченного на поражение, загнивающего класса.

Эта «риторика» нуждается в анализе. Приведу примерную наметку такого анализа.

II.

Октябрьская революция, как и буржуазная революция 1789 года, породила громадную ораторскую практику, выдвинула огромное число ораторов. Как это ни странно, ораторство Октября почти не изучено вовсе, — не только массовое ораторство (что очень важно), но и продукция первоклассных ораторов ждет еще исследователей. Между тем все идеологические и технические проблемы ораторства, как агитации и пропаганды, были поставлены заново. Здесь не место говорить о политическом характере, цели и задачах, а также об организационных методах агитации и пропаганды у нас и на западе. В общих чертах это должно быть известно. Также нет необходимости доказывать всемирно-историческое значение ораторства Октября.

Важно подчеркнуть борьбу за новое ораторское слово. Это новое слово, во-первых, небывало массовое,— отсюда ряд его свойств,—во-вторых, оно ниспровергает реторику, если под последней понимать «магию слов». Слова (словесные смыслы) могут максимально соответствовать действенно-реальным отношениям действительности, могут «вскрывать» эту действительность, содействуя наиболее полному и верному познанию ее основных противоречивых признаков и тенденций и в то же время толкая на переделку этой действительности. Но слова могут,—в особенности если они талантливы,—убаюкивать сознание или направлять его по порочному кругу, могут набрасывать на явления и факты флер двусмысленностей или туманный эмоциональный покров, оперируя при помощи неопределенно-широких фразовых значений слов, зыбких и фальшивых; наконец, могут прямо толкать на искаженное понимание и познание, обусловленные и вынужденные классовой природой их носителей. Ораторы «атакующего класса», как общая тенденция, оперируют словами, разоблачающими действительность, анализирующими ее до конца и овладевающими ею в целях успешной борьбы. Ораторы падающего класса обычно срезают острые углы, сплющивают резкие черты профиля действительности, опираясь на традиции, и уводя от действительности эмоционально приподнятой символикой словесных значений — выражением идеальных высоких «истин», политического «возвы-

шающего обмана». Этот высокий стиль ораторского символизма, сложный и многообразный, характерен для буржуазно-парламентского ораторства эпохи нарастания и взрыва классовых противоречий. На примере английского красноречия можно легко проследить, как ораторство буржуазии развивалось от конкретного делового «реалистического» стиля до стиля «возвышающего обмана» последнего тридцатилетия. Когда-то Гладстон формулировал так свой ораторский метод, полемизируя с Биконсфильдом: «Я не буду искать источники своего вдохновения на высотах, недоступных простому смертному. Я не буду призывать в свидетели небо,—там, где речь идет о скромных массовых работах на земле. Моя задача не в том, чтобы вспоминать возвышенные идеалы по всякому нужному и ненужному поводу, но в том, чтобы к каждому вопросу прилагать соответствующий ему метод»... Достаточно теперь обратиться к ораторству Черчиля, Чемберлена, Бонар-Лоу, Ллойд-Джорджа или Макдональда, чтобы увидеть, как мало осталось этих гладстоновских принципов. Обращение к небу для оратора признак, что с землею он не совладает. «Родина», «свобода», «воля народа», «слава», «честь», «патриотизм», «прогресс и цивилизация», «демократия» и т. п. слова - символы высокого стиля, слова расплывчато - широкого круга смысловых признаков, воздействующих эмоционально, своею «музыкой», эти слова-формулы—своеобразные сгустки буржуазного ораторского стиля. Театральный пафос, жесты и модуляции голоса, созидающие соответственную позу оратора,—вот конструктивные черты этого стиля (сравн. ораторство Керенского). Это «абсолютный» стиль ораторской «декламации». Ему противопоставлен разоблачающий диалектический стиль атакующего класса. Этот стиль иногда называют сниженным или «снижающим», что ведет к недоразумениям: снижается не действительность, не смыслы, не пафос, а разоблачается символика высокого стиля, мешающая прояснению реальных отношений. Снижается «фраза», точнее свергается ее власть. Уничтожается «фетишизм» слова; когда-то адекватные действительности смыслы, прокладывавшие новые пути, затем выветриваются, сохраняя свой эмоциональный ореол застывшего смыслового сплава, и тогда воздействуют «магически». На уничтожение власти фразы был направлен пафос пролетарского

стиля, создавшегося на основе диалектического материализма. Это все необходимо иметь в виду для понимания ораторского стиля Ленина.

«Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами вроде «свобода», «равенства», нас не обманешь» [1]). «Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о народовластии и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же ловко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «благородного человека», сразу и безошибочно определяет: по всей вероятности мошенник». («Великий почин» т. XVI стр. 255). Ленин объявил войну испытанной ораторской фразе, старому ораторскому стилю.

Природа ораторской «фразеологии», с которой так решительно боролся Ленин, может быть понята только с социально-исторической точки зрения, только тогда, когда будет вскрыт генезис этих речевых смысловых формул. «Свобода, равенство и братство», «человеческие права» и т. п. фразеология ведет свое происхождение от времен великой французской революции, когда ораторы революционной буржуазии (в особенности мелкой) широко пользовались этой фразеологией, почерпнутой в значительной мере от Руссо, Мабли и др. философов и публицистов XVIII в., идеологически подготовивших ораторство революции. Мы находим эту фразеологию в речах главы якобинской диктатуры М. Робеспьера. Словам-лозунгам, символам революционной борьбы, формулам, сигнализирующим революционную идеологию, с которой когда-то «третье сословие» шло к власти,—этим словам придавалось широкое и «абсолютное» значение. Буржуазия говорила от имени всего народа. Она говорила «общечеловеческими» словами, адресуясь к «свободному и равному» гражданству перед лицом «первых принципов права», т. е. в сущности абстрактной возможности. Но за этой отвлеченной, но эмоционально очень яркой символикой скрывалась социально-классовая

[1]) Речь на съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г., Собр. соч. т. XVI, стр. 225.

действительность. Даже сам Робеспьер должен был признать, что «свобода, равенство и братство», «первые принципы» разума и совести, устанавливающие сумму «непреложных благ», отступают перед фактом экономического неравенства («это неравенство является необходимым или неизлечимым злом»)—это был прямой вывод из идеологической позиции Робеспьера. Когда же отвлеченно высокая фразеология сыграла свою историческую роль агитационного действия буржуазной революции, знаменитые «абсолютные» слова: «свобода, равенство и братство» и т. п. функционально обратились в смысловую противоположность, сделавшись символами буржуазно-классового господства, ставши в конце концов официальным и охранительным украшением фронтонов французских правительственных зданий Третьей республики.

Вот направление ораторских ударов Ленина. Ленин сломал традиционную буржуазную ораторскую кафедру. Беспощадная диалектика потребовала необычайных языковых средств для оратора. Отсюда—ораторская тактика Ленина.

Была найдена синтактико-интонационная и лексическая установка, ярко характерная для обыденного говорения,—далекая от «витийственного грома». «Витийственному грому» Ленин противопоставил диалектику фактов и принцип разоблачения смысловых личин; так например, знаменитая словесная троица,—свобода, равенство, братство,—выдержавшая громадный агитационный стаж у буржуазии, подверглась развенчивающему анализу:

«Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— Какого класса с каким классом?..

— Свобода от какого ига или от какого класса?

Кто говорит о политике, о демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не ставя этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против прятания, скрывания, затушевывания этих вопросов,—тот худший враг трудящихся» («Советская власть и положение женщины», т. XVI стр. 363). Весь арсенал испытанных еще со времени Великой французской революции агитационных приемов был почти целиком отвергнут Лениным. Ленин сломал буржуазный ораторский стиль.

Перестройка стиля в сторону от «декламаций» велась широкими путями. Ленин не ограничивался вводом ходячих фразеологических единств: «выражений», «поговорок» и пр., вроде отмечавшихся у него: «положение можно сказать, хуже губернаторского», или «откуда сие, Аллах ведает»,—давно, кстати сказать, олитературенных. Не только к оживлению стиля разговорными словечками и выражениями, хотя бы и многочисленными, стремился Ленин-агитатор, а к созданию семантической атмосферы бытового монолога в противовес трибунной и кафедральной атмосфере, особым образом обволакивающей ораторское слово. Разговорно-речевые элементы играли не орнаментально-стилевую, а конструктивную роль. Дело было не в их количественном, а в качественном воздействии, в их удельном весе. Нужно было создать сильно воздействующий колорит бытового, не ораторского говорения, дружески-делового, лишенного «магии», почти камерного характера. Ленин как бы говорил не для всех зараз, а для каждого в отдельности, как в собеседовании, и это при фактически огромной аудитории, на которую рассчитывалась речь. Это был особый метод ораторства, особый способ инструментовки грандиозных политических тем (брестский мир, новая экономическая политика и т. д.), которые тем самым максимально приближались к сознанию аудитории.

Речь Ленина на XI съезде РКП (б) (доклад о деятельности Ц. К. 27/III 1922 г.) удобна для анализа, ибо в ней, как в фокусе, собраны важнейшие черты его ораторской системы. Стилевая установка на бытовое говорение развернута здесь необычайно. Приведу примеры элементов этой установки, воздержавшись от детального комментария:

Ясное дело, чего нехватает.

Тут была куча и других ошибок...

Тамошние собеседники...

Подняли шумиху...

Жуют и пережевывают...

Пошлет ко всем чертям...

Не учились, мол, коммунизму...

Нет, извините, не в том дело...

Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться...

Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий и «кавалера» коммунистического и советского имеешь... и т. п.

Нетрудно было бы классифицировать подобные элементы по их существенным признакам, структурным и семантическим и определить их частно-функциональную роль в речи.

Особенно интересны случаи, когда громадный стилевой сдвиг производится внедрением отдельных слов, иногда аморфных словечек «диалектной» окраски: «кто в этой самой Генуе»... «люди то все превосходные». «Пускай себе поэты пишут»... «пускай себе заблуждаются»... «одни с той стороны, что, дескать, вы»...; из профессионального коммерческого «диалекта»: «крестьянин нам кредит оказывает» (слово «кредит» затем не раз повторяется), или «когда она (страна), если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными» (здесь любопытна оговорка, сравн.: «это, если выразиться по нэповски, векселя»...). Направление стилевого сдвига очевидно.

Очень существенен синтактико-интонационный уклад фраз, действенный и помимо разговорно-фразеологического материала: «На этом надо учиться и действовать дальше. В этом смысле пора перестать нервничать, кричать, суетиться. Идут записки за записками, телефонограммы за телефонограммами: «Нельзя ли нас тоже переорганизовать, потому что у нас Нэп»? Все суетятся, получается кутерьма: практического дела никто не делает, а все рассуждают, как приспособиться к Нэпу, и результата никакого не получается. А купцы над коммунистами смеются и, вероятно, приговаривают: «раньше были главноуговаривающие, а теперь главноразговаривающие».

На этом примере хорошо уловим особый беседный тон речи, даже её ритм. Интонационное оживление, свойственное разговорной речи, дано путем ввода «чужих» слов (в разговоре обычна именно прямая, «заковыченная» передача). Приблизительно такова же функция союза «а», трижды и по разному использованного, не только в значении противительном и контрастном, но и в качестве неопределенного знака направления ассоциаций между представлениями (в значении близком к «и», выражающего движение по смежности). Союз «а»

в широком использовании (иногда просто как зачин фразы) тоже очень характерен для разговорно-речевой стихии.

Сложную фразу (если она не складывается в расчлененный период) отмечает известная свобода от синтаксической «упорядоченности», требуемой «хорошим» письменным и ораторским стилем. Предложения толпятся «как попало» в пределах сложной фразы, слова повторяются. Кроме того, фразу часто разрывают скобки. Это не литературный, т. е. ненормированный синтаксис:

«Но сейчас дело обстоит так, что мы должны проверку нашей работы установить уже серьезную, не ту, которая бывает через контрольные учреждения, теми же коммунистами создаваемые, хотя бы эти контрольные учреждения и в системе советских учреждений, и в системе партийных учреждений были бы почти идеальными контрольными учреждениями»...

«Коммунист и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли он вести не умел, потому что он не делец и этому не учился, и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться».

В последней фразе повторяющееся слово «учиться»—семантически и тематически центральное. Это явление обычное у Ленина. Кроме редких случаев синтактико-реторической «фигурной» фразы, синтаксис явно раскрепощен. Материал образов, сравнений и метафор—функционально приноровлен к основной установке на «сниженный» бытовой монолог, на символику и фразеологию обыденной речи.

Обычный ораторский пафос и реторический язык, встречающиеся у Ленина, играют второстепенную подчиненную роль.

Историческая функция стиля раскроется только тогда, когда мы учтем руководившее оратором понимание политической обстановки и вытекающих из нее ближайших задач. Ленину нужно было, во-первых, разоблачить преувеличенное значение и внимание, уделявшиеся в то время предстоявшей Генуэзской конференции, как фактору «мировой политики», и во-вторых, особенно акцентировать революционное значение и сущность «домашней» политики—именно задачу организации Нэпа, т. е. хозяйственного возрождения страны на новых началах, в условиях пролетарской диктатуры. Отсюда и стилевое развенчание, «снижение» Генуи («трескотня насчет Генуи», «мы едем

в Геную, как купцы», «кто в этой самой Генуе сядет за стол» и т. п.), ибо не Генуя являлась в действительности «главным вопросом политики», а Нэп. Последний же требовал нового, по сравнению с военным периодом, качества революционной работы—«умения хозяйничать» при помощи организации «смычки с крестьянской экономикой». Отсюда и особая стилевая организация темы, как бы стаскивающая ее с вершин «высокой» политики и теории на практическую почву повседневной хозяйственной деятельности: «Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая. Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете?.. Ведь вот какие голоса раздавались в прошлом году весною»... и т. д. Отсюда элементы коммерческого языка—«кредит», «векселя», «платить наличными» и т. п., сравнения коммунистов с «рядовым приказчиком, который бегал по лабазу десять лет» и пр. и пр. Фразеологически и словарно стиль настолько резок и необычаен, что Ленин вводит даже специальную мотивировку, которая еще более подчеркивает принятый стилевой план: «...Она (т. е. страна В. Г.), если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными»... «Это, если выразиться по нэповски, векселя, но сроки на этих векселях не написаны».

Стилевая установка Ленина приводит не к «снижению» темы, а к приближению, как темы деловой и практической, осмысление которой толкает на реализацию, на действие (в нашем примере—тема Нэпа). Отсюда—особый агитационный пафос речей Ленина [1]).

Ленин сломал традиционную композицию ораторской речи тем, что культивировал повторения и возвраты к исходной точке в движении темы, в развертывании тезисов. Тема

---

[1]) О внимательности Ленина к вопросам стиля свидетельствуют в частности, следующие места из цитируемой речи: „Я бы очень хотел взять например несколько гостростов (если выражаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев...)“ „...Тут осталось коммунистическое чванство—комчванство, выражаясь тем же великим русским языком“.

у Ленина движется как бы концентрическими кругами: новое смысловое движение захватывает предыдущее, повторяя его в основной формулировке. От этого необычайно усиливается усвояемость, доходчивость ораторской мысли.

Ораторская манера Ленина и в частности постоянная замена «я» местоимением «мы» или «я»—семантически нейтральным (а не индивидуально-личностным «я»), приводила к созданию образа оратора, как вождя партии и класса. Отсюда отмечавшиеся постоянно слушателями сильнейшее чувство особой убедительности и волевого воздействия (повелительности), отсюда отчасти и агитационная сила его речей. Такова одна из сторон ораторской речи Ленина. Само собою разумеется, что только систематическое изучение всего многообразного ораторского наследия Ленина позволит полностью уяснить природу пролетарского ораторского стиля на важнейшем этапе его становления. Это изучение только начинается теперь.

Очень ярко ораторский стиль диалектического материализма обнаруживается в речах Володарского.

На примере речей Володарского мы можем развернуть изучение революционной ораторской диалектики, уничтожающей компромиссы и антитетически заостряющей аргументы и выводы. В своей знаменитой «Напутственной речи агитаторам» («Речи» Гиз. 1920) Володарский показывает, как надо анализу «текущего момента» придавать принципиальную остроту, отметая половинчато-двусмысленные, фальшивые и привходящие «тезы», и обнажая расстановку классовых сил в ее неприкрытой реальности. Затем уже оратор дает антитетически расчлененный вывод, тезис и антитезис которого строго соответствуют основному социально-классовому противоречию интересов на данном этапе борьбы. Такой стиль агитационной речи требует широчайшего использования антитезы.

Смысловая магистраль, центральный тезис речи сформулирован антитетически в финале: «Меньшевики и эсеры говорят: вернитесь к хозяевам, к капиталистическому хлеву. А мы отвечаем: если вы по этому хлеву соскучились, мы вас не держим, а для нас есть один путь: через препятствия, через ухабы, через бугры, делая ошибки, мы все таки пойдем вперед по тому пути, по которому шли, и дойдем до полной

свободы». В этой цитате очень характерна общестилевая и синтаксическая организация. Даны представители отрицательной смысловой «партии»—меньшевики и эсеры—и в уста их (прямая речь противника) вложены слова, формулирующие враждебную «тезу». Слово «хлев» несет на себе важную функцию, благодаря своей эмоциональной окраске. Далее—«А мы отвечаем»... начинается «анти-теза», противоположная, положительная смысловая «партия», ответ большевиков. Зачин «а» синтаксически и семантически уже сигнализирует противление. Наконец, «полная победа» контрастно-параллельна, по эмоциальному смыслу, слову «хлев».

Таким методом—частных антитез, синтаксически оформленных,—построена вся речь. Приведу примеры. «Буржуазная пресса, оборонческая пресса, меньшевистская пресса всюду пишет: Брестский мир—это конец России, России нанесен смертельный удар, ей больше не выжить. Мы отвечаем: безусловно, совершенно верно, Россия помещичья, буржуазная Россия, царская Россия, соглашательская Россия умерла. Но она умерла не в Бресте, а еще 25 Октября, когда мы свергли Керенского. Уже тогда ваша Россия умерла. Но наша Россия, Россия советская, трудовая, рабочая, крестьянская не только не умерла, но не смотря на всю тяжесть положения, в котором она находится, мы утверждаем, что она имеет возможность, если будет вести правильную внешнюю политику, имеет полную возможность подняться».

«Нельзя говорить: ах, он нанес мне оскорбление, я не выдержу, пусть меня убьют, но я не могу больше. Это психология отчаяния. Бывает, конечно, иногда и такое положение, когда больше ничего не остается, как только с честью погибнуть. Но пока мы говорим: нам еще не только не хочется погибать, но есть надежда на то, что мы выживем»...

«Нам говорят: но зачем было раньше разрушать старую армию, когда вы теперь создаете новую? Наши противники всегда говорят: большевики разложили армию, 12-миллионную армию. Я спрашиваю всегда наших противников: вдумались ли вы в то, что говорите? Если мы разложили нашей зловредной агитацией 12 миллионов, значит агитация всесильна, может все сделать. Но до Октября у нас была одна только маленькая газета «Правда», которая к тому-же часто закрывалась»...

«Они говорят: с вами никто не хочет работать, технические силы вас саботируют, а вот с нами они будут работать. Верно, нас саботировало все—и техника, и наука, все абсолютно: но вы точно также знаете, что этот саботаж абсолютно сломлен»...

И так каждому выставленному тезису противников диалектически противоречиво противопоставлен анти-тезис оратора. В речи развернута последовательно картина спора. Полемичность заострена композиционными средствами до крайности. (Сравн. у Ленина в речи на 1 Всероссийском съезде Советов в 1917 году).

Мы видим, что Володарский включил в свою речь полемическую мишень, «чучело» противника для того, чтобы сделать как можно острее и драматичнее борьбу точек зрения, из которых одна принадлежит оратору, а другая его политическому врагу. Возникает внутриречевой диалог («Они говорят»... «мы отвечаем»), цель которого заключается кроме того еще в прояснении основных противоречий. Цель его—способствовать постановке альтернативы: «или—или», исключающей всякий третий путь (как это и дано в конце речи), и обнажить до предела классовую характеристику смыслов противника (меньшевиков, эсеров и т. д.).

Таким образом нашла себе ораторское выражение последовательная логика революции, одновременно нападающая и защищающаяся, но главным образом нападающая. На образцах Володарского, так же, как Ленина, должен учиться речевому делу и агитатор, и пропагандист.

Октябрьская революция дала ряд первоклассных ораторов. Однако посейчас очень сильно ощущается власть чужих и чуждых форм, стилевых и композиционных трафаретов над нашим массовым ораторством. Докладчик, лектор, пропагандист, агитатор в какой-то мере должен быть умелым оратором. Культура публичной речи у нас неизмеримо ниже, чем, скажем, была в древней Греции, ниже, чем на Западе сейчас (Франция, Англия). Часто наблюдаемое «бегство с докладов»—результат ораторской беспомощности наших докладчиков, речь которых складывается нередко из малограмотной фразеологии (даже с языковой точки зрения) и стилевых банальностей, не способных ни организовать внимание аудитории,

ни тем более создать надлежащий эффект. Отсюда—повелительная необходимость поднять речевую культуру, качество речевой продукции—и тем понизить высокий процент «брака». Для этого нужно заново поставить, теоретически и практически, проблему ораторского стиля, отказавшись от всяческого знахарства и кустарщины.

Изучение ораторской практики прошлых времен и в особенности современности должно подвести нашего массового оратора к овладению такими ораторскими методами, которые способны дать наивысший коэфициент полезного социального действия. Такова важнейшая задача науки об ораторской речи, науки заново восставшей по приказу революции из древней риторической пыли.

Викт. Гофман.

Цена один руб.